

ВИКТОР НИКОЛАЕВ

A large, glowing golden tree with many small lights in its branches. To the left of the tree is a dark silhouette of a human head in profile, facing left. The background is a dark, starry space.

СновЕдение

Теория и практика
толкования сновидений

Виктор Николаев
**СновЕдение (Теория и
практика толкования
сновидений)**

**Серия «Архетипический
подход Шпильрейн», книга 2**

<https://litres.ru/73781049>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что такое сновидение: замаскированное желание, бессмысленная ночная помеха или встреча с Будущим?

Книга «СновЕдение» предлагает целостную теорию и практику толкования сновидений, соединяющую психоаналитическое наследие Фрейда, архетипический подход Шпильрейн и современную работу с переносом и архетипами.

Автор показывает, почему классическая теория сновидений так и не стала полноценной наукой, в чём состояло великое открытие Фрейда, где его модель психики наталкивается на препятствия и каким образом можно построить практичную систему толкования сновидений.

В книге сновидение рассматривается не только как впечатления Прошлого, но и как форма знакомства с возможным Будущим. Читатель найдёт стройную карту психической реальности, словарь ключевых терминов, словарь веточек архетипов, разборы сновидений (в том числе Фрейдовских) и алгоритм интерпретации сна.

«СновЕдение» адресовано психологам, психотерапевтам и читателям, желающим разобраться в сновидениях глубже, точнее и серьёзнее.

Содержание

Оглавление	10
От автора	23
Как читать эту книгу	26
Кому адресована книга	30
Глава 1. Почему до сих пор нет науки о сновидении	33
1.1. Наука начинается не с наблюдений, а с парадигмы	35
1.2. Что делает дисциплину наукой	37
1.3. Великое открытие Фрейда и его исторический предел	40
1.4. Застывшая схема психической реальности	44
1.5. Что осталось недодуманным после Фрейда	46
1.6. Подмена главного вторичным	49
1.7. Типичные ошибки толкователя сновидений	51
1.8. Игнорирование переноса в самом сновидении	54
1.9. Почему множественность школ не решает проблему, а усугубляет её	56
1.10. Что должна сделать новая теория	58
1.11. Почему вопрос о сновидении — это	60

вопрос о судьбе человека	
1.12. Переход к дальнейшему изложению	63
Глава 2. Фрейд: открытие материка сновидений	65
2.1. Почему без Фрейда нельзя обойтись	67
2.2. «Толкование сновидений» как великая книга начала	69
2.3. Что именно открыл Фрейд	71
2.4. Фрейд как создатель нескольких научных идей сразу	73
2.5. Где проходит предел «Толкования сновидений»	75
2.6. Парадигма исполнения желания: её сила	77
2.7. Парадигма исполнения желания: её предел	79
2.8. Фрейд между феноменологией и метапсихологией	81
2.9. Почему психоанализ не довёл дело Фрейда до конца	82
2.10. Что у Фрейда следует сохранить	84
2.11. Что у Фрейда должно быть модифицировано	85
2.12. Почему критика Фрейда не есть отказ от Фрейда	86
2.13. Фрейд и личное измерение его открытия	87
2.14. Почему СновЕдение должно пройти «через Фрейда»	89

2.15. Что именно меняется, когда в сон вводится Будущее	91
2.16. Итог: Фрейд как необходимое начало СновЕдения	93
2.17. Переход к Юнгу	95
Глава 3. Юнг: когда сон становится драмой души	97
3.1. Почему после Фрейда неизбежно приходит Юнг	97
3.2. В чём главный поворот Юнга	99
3.3. Почему Юнга трудно читать	101
3.4. А главное у него действительно велико:	103
3.5. Сознательная ситуация сновидца	104
3.6. Ассоциации: почему сон нельзя толковать без голоса сновидца	107
3.7. Компенсаторная функция сновидений	110
3.8. Объект-ступень и субъект-ступень	113
3.9. Тень: то, что человек не хочет признать своим	117
3.10. Персона, Комплекс, Архетип, Самость	121
3.11. Индивидуация: путь к себе или путь к более трудной правде о себе	125
Человек обнаруживает, что он	126
Но одновременно он обнаруживает и другое:	126
3.12. В чём Юнг особенно силён как толкователь сна	129

3.13. Где Юнг становится опасен	132
3.14. Пределы юнгианства и необходимость следующего шага	135
Глава 4. Сабина Шпильрейн: Деструкция как причина Возрождения	137
4.1. Человек боится не смерти	137
4.2. Россиянка-психоаналитик, опередившая свое время	139
4.3. Между Фрейдом и Юнгом	141
4.4. Деструкция как причина становления	143
4.5. Любовь как Трансформация	145
4.6. Великий закон мифов	147
4.7. Почему развитие вызывает страх	149
Между разрушением и Возрождением	150
4.8. Почему Самость показывает смерть, пожар и катастрофу	151
Разрушенный дом	152
Смерть во сне	152
Пожар как образ Трансформации	153
Конец света внутри человека	154
Вопрос, который меняет толкование сна	155
4.9. Почему нарцизм сопротивляется Возрождению	156
Страх потерять себя	157
Почему человек предпочитает знакомое несчастье	157

Самость и нарцизм	158
Почему тяжёлые сновидения оказываются полезными	159
4.10. Возрождение начинается раньше, чем человек замечает его	161
Почему Самость говорит языком разрушения	162
Ошибка сознания	163
Символы Возрождения	163
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Виктор Николаев

СновЕдение (Теория и

практика толкования

сновидений)

СновЕдение

(Теория и практика толкования сновидений)

Виктор Николаев

От автора

Как читать книгу

Кому адресована книга

Оглавление

Часть I. Основания СновЕдения

Глава 1. Почему до сих пор нет науки о сновидении

- 1.1. Наука начинается не с наблюдений, а с парадигмы
- 1.2. Что делает дисциплину наукой
- 1.3. Великое открытие Фрейда и его исторический предел
- 1.4. Застывшая схема психической реальности
- 1.5. Что осталось недодуманным после Фрейда
- 1.6. Подмена главного вторичным
- 1.7. Типичные ошибки толкователя сновидений
- 1.8. Игнорирование переноса в самом сновидении
- 1.9. Почему множественность школ не решает проблему,
а усугубляет её
- 1.10. Что должна сделать новая теория
- 1.11. Почему вопрос о сновидении — это вопрос о судьбе
человека

- 1.12. Переход к дальнейшему изложению

Глава 2. Фрейд: открытие материка сновидений

- 2.1. Почему без Фрейда нельзя обойтись
- 2.2. «Толкование сновидений» как великая книга начала
- 2.3. Что именно открыл Фрейд
- 2.4. Фрейд как создатель сразу нескольких научных идей
- 2.5. Где проходит предел «Толкования сновидений»
- 2.6. Парадигма исполнения желания: её сила

- 2.7. Парадигма исполнения желания: её предел
- 2.8. Фрейд между феноменологией и метапсихологией
- 2.9. Почему психоанализ не довёл дело Фрейда до конца
- 2.10. Что у Фрейда следует сохранить
- 2.11. Что у Фрейда должно быть модифицировано
- 2.12. Почему критика Фрейда не есть отказ от Фрейда
- 2.13. Фрейд и личное измерение его открытия
- 2.14. Почему СновЕдение должно пройти «через Фрейда»
- 2.15. Что именно меняется, когда в сон вводится Будущее
- 2.16. Итог: Фрейд как необходимое начало СновЕдения
- 2.17. Переход к Юнгу

Глава 3. Юнг: когда сон становится драмой души

- 3.1. Почему после Фрейда неизбежно приходит Юнг
- 3.2. В чём главный поворот Юнга
- 3.3. Почему Юнга трудно читать
- 3.4. А главное у него действительно велико:
- 3.5. Сознательная ситуация сновидца
- 3.6. Ассоциации: почему сон нельзя толковать без голоса

сновидца

- 3.7. Компенсаторная функция сновидений
- 3.8. Объект-ступень и субъект-ступень
- 3.9. Тень: то, что человек не хочет признать своим
- 3.10. Персона, Комплекс, Архетип, Самость
- 3.11. Индивидуация: путь к себе или путь к более трудной правде о себе
- 3.12. В чём Юнг особенно силён как толкователь снов

3.13. Где Юнг становится опасен

3.14. Пределы юнгианства и необходимость следующего шага

Глава 4. Сабина Шпильрейн: Деструкция как причина Возрождения

4.1. Человек боится не смерти

4.2. Россиянка-психоаналитик, опередившая своё время

4.3. Между Фрейдом и Юнгом

4.4. Деструкция как причина становления

4.5. Любовь как Трансформация

4.6. Великий закон мифов

4.7. Почему развитие вызывает страх

4.8. Почему Самость показывает смерть, пожар и катастрофу

4.9. Почему нарцизм сопротивляется Возрождению

4.10. Возрождение начинается раньше, чем человек замечает его

4.11. Шпильрейн как предшественница СновЕдения

4.12. Сабина Будущего

4.13. Великий вклад Шпильрейн: почему Возрождение невозможно без Деструкции

4.14. Переход к Сонди

Глава 5. Сонди: судьбоанализ, предки и их представленность в снах

5.1. Почему после Шпильрейн возникает Сонди

5.2. Что такое судьбоанализ

5.3. Сновидения влечений и сновидения предков

5.4. Как предки представлены в снах

5.5. Кондуктор: почему предок говорит через потомка

5.6. Навязанная и свободная судьба

5.7. Сила и риск судьбоанализа

5.8. Что у Сонди по-настоящему актуально для СновЕдения

5.9. Итог главы и переход дальше

Часть II. Метапсихология СновЕдения

Глава 6. Архетип как первичный элемент психологии

6.1. Почему без первичного элемента невозможна наука

6.2. Почему архетип, а не влечение, объект или символ

6.3. Архетип и порядок интерпретации сна

6.4. Архетип, судьба и Будущее

6.5. Переход к Сфере Оно

Глава 7. Сфера Оно как хранилище архетипов

7.1. Почему сфера Оно требует переосмысления

7.2. Почему архетипы должны быть помещены в Оно

7.3. Как архетипическая глубина переходит в сновидение

7.4. Сфера Оно, тело, род и повторяемость сновидений

7.5. Границы понятия Оно и его место в системе СновЕдения

7.6. Переход к Сфере Я

Глава 8. Сфера Я: сознание, значимые объекты, Самость, Душа и архетипические веточки судьбы

- 8.1. Сознание как орган встречи со сновидением
- 8.2. Что такое Сфера Я
- 8.3. Значимые объекты как носители архетипических веточек
- 8.4. Основные типы значимых объектов и их архетипические основания
- 8.5. Первый практический закон главы
- 8.6. Самость
- 8.7. Истинная и ложная Самость
- 8.8. Самость и Будущее
- 8.9. Душа
- 8.10. Душа и архетипические веточки
- 8.11. Душа в сновидении
- 8.12. Союз Самости и Души
- 8.13. Как защиты искажают Сферу Я
- 8.14. Практика чтения сновидения через Сферу Я
- 8.15. Сфера Я в живых сновидениях Фрейда
- 8.16. Почему сновидения редко бывают «о вещах»
- 8.17. Сон об Ирме как драма профессиональной Самости
- 8.18. Поезда, вокзалы, опоздания
- 8.19. Лестницы и подъёмы
- 8.20. Значимый объект матери
- 8.21. Значимый объект отца
- 8.22. Партнёрские фигуры
- 8.23. Ребёнок как Будущее
- 8.24. Самость в символике дома

8.25. Душа говорит тихо

8.26. Каинова защита в сновидении

8.27. Как читать любой сон по модели главы

8.28. Почему Фрейд остаётся необходимым

8.29. Переход к главе 9

Глава 9. нарцизм как враг судьбы и толкования сна

9.1. Почему без темы нарцизма невозможно понимать сновидения

9.2. Что такое нарцизм в архетипическом подходе

9.3. Почему нарцизм так распространён

9.4. Формы нарцизма

9.5. нарцизм и сновидения

9.6. Типичные сны нарцизма

9.7. нарцизм и значимые объекты

9.8. нарцизм против Самости

9.9. нарцизм против Души

9.10. Как нарцизм портит толкование сна

9.11. Польза унижительных снов

9.12. Как ослабляется нарцизм

9.13. Архетипические противоядия нарцизму

9.14. Практические вопросы к каждому сну

9.15. Великий парадокс

9.16. Происхождение нарцизма

9.17. Скрытые формы нарцизма

9.18. Как нарцизм маскируется под архетипы

9.19. нарцизм психолога и психоаналитика

- 9.20. нарцизм автора и преподавателя
- 9.21. нарцизм в партнёрстве
- 9.22. нарцизм и возраст
- 9.23. Сновидческие сценарии нарцизма
- 9.24. Почему унижение иногда лечит
- 9.25. Что вместо нарцизма
- 9.26. Тест на нарцизм
- 9.27. Архетипический путь после нарцизма
- 9.28. Итог главы
- 9.29. Переход к главе 10

Глава 10. Сверх-Я и высшие архетипы

- 10.1. Сознание как место встречи с восхождением
- 10.2. Почему после Самости возникает тема Сверх-Я
- 10.3. Сверх-Я не только запрещает, но и направляет
- 10.4. Сновидение как диалог Самости с высшими архетипами

пами

10.5. Мудрец, Жрец, Мадонна и Блудный сын как высшие архетипы

- 10.6. Почему высшие архетипы принадлежат Сверх-Я
- 10.7. Опасности: мистификация, богословие и морализм
- 10.8. Как читать сон через вертикаль Сверх-Я
- 10.9. Сверх-Я как условие строительства Души
- 10.10. Высшие архетипы как рабочая верхняя карта психики

хики

- 10.11. Тяжёлые сны, верхняя мера и стыд перед высотой
- 10.12. Парадигма высших архетипов и функция верхней

Глава 11. Душа

11.1. Почему слово «Душа» требует серьёзного подхода

11.2. Душа не равна Самости, морали и уникальности

11.3. Готовой Души нет: она создаётся

11.4. Сверх-Я и высшие архетипы как строители Души

11.5. Материал Души: опыт, полярности и архетипиче-

ские ветви

11.6. Душа не равна чувствительности: ей нужна структура

11.7. Душа, Самость, нарцизм и Будущее

11.8. Сновидение как инструмент строительства Души

11.9. Душа как созидание

11.10. Душа, тело, возраст и идентичность

11.11. Уровни выстраивания Души и роль значимых объектов

11.12. Душа и психологическая глубина: различие впечатления и созидания

11.13. Итог главы: Душа как необходимый результат метапсихологии

Часть III. Метод и практика СновЕдения

Глава 12. Перенос и контрперенос в сновидении

12.1. Почему без переноса нельзя понять сон

12.2. Три уровня переноса в сновидении

12.3. Что такое контрперенос в сновидении

12.4. Сон и значимые объекты

12.5. Сон и психоаналитик, сновед, супервизор

12.6. Сон и группа

12.7. Сон и собственная Самость

12.8. Сон и Будущее

12.9. Как практически искать перенос в сновидении

12.10. Главные ошибки при толковании переноса

12.11. Сновидение как место встречи пяти отношений

12.12. Итог главы

Глава 13. Сновидение как диалог Самости с высшими архетипами

13.1. Вступление

13.2. Почему фрейдовская модель не объясняет сновидение полностью

13.3. Что такое диалог в строгом психическом смысле

13.4. Самость как инициатор диалога

13.5. Высшие архетипы как собеседники: четыре регулятора

13.6. Язык сновидения: сцена судьбы вместо символа

13.7. Три временных слоя в сновидении

13.8. Перенос судьбы в сновидении

13.9. Активация веточек и сцена сновидения

13.10. Самость и Душа: что слышит и что строится

13.11. Сопротивление диалогу: нарцизм как помеха

13.12. Сновидение, которое не пришло

13.13. Критерии подлинного диалога

13.14. Сновидение и судьба: окончательная формула

13.15. Переход к практической работе

Глава 14. Метод СновЕдения: практика работы со сновидением

14.1. Герменевтический корень метода

14.2. Позиция сноведа

14.3. Подготовка к работе: условия и контекст

14.4. Порядок работы: семь шагов

14.5. Система вопросов

14.6. Чего сновед не делает

14.7. Работа с трудными случаями

14.8. Этика метода

14.9. Учебная работа: как становятся сноведом

14.10. Метод СновЕдения и психотерапия

14.11. Метод и культура: о массовой моде на сны

14.12. Сновидение и время культуры

14.13. Сновед и сновидец: партнёрство в работе

14.14. Окончательная формула метода

14.15. Переход к следующим главам

Глава 15. Восемь веточек судьбы: парный разбор как метод сноведа

15.1. Вступление

15.3. Веточка 1. Милосердие

15.3. Веточка 2. Сила

15.4. Сопоставление пары

15.5. Веточка 4. Совершенствование

15.6. Веточка 7. Радость / Трикстер

15.7. Сопоставление пары

15.8. Веточка 5. Овладение миром

15.9. Веточка 8. Служение / Долг

15.10. Сопоставление пары

15.11. Веточка 6. Мудрость / Вера

15.12. Веточка 3. Справедливость / Каин

15.13. Сопоставление пары

15.14. Типичные конфигурации в сновидениях

15.15. Сновидческий язык Высших архетипов

15.16. Заключение главы

Глава 16. Сновидческая практика: разбор живого материала

Глава 17. Имитации: сложные конфигурации защит

17.1. Почему нужна отдельная глава об имитациях

17.2. Принцип имитации: одна веточка маскируется под другую

17.3. Семь типичных имитаций

17.4. Каинова веточка как соблазн для имитаций

17.5. Как имитация опознаётся в сновидении

17.6. Спасательство как развёрнутый пример

17.7. Особый случай: имитации в духовной сфере

17.8. Работа сноведа с имитациями: общие принципы

17.9. Имитации и Древо 8 веточек архетипов в целом

17.10. Заключение главы

Часть IV. Переходы, судьба и путь СновЕдения

Глава 18. Сновидения в больших переходах жизни

- 18.1. Что такое Переход в системе СновЕдения
- 18.2. Шесть больших Переходов
- 18.3. Первый Переход: отрочество и юность
- 18.4. Второй Переход: вступление во взрослость
- 18.5. Третий Переход: середина жизни
- 18.6. Четвёртый Переход: зрелость
- 18.7. Пятый Переход: поздний возраст
- 18.8. Шестой Переход: смирение со смертью
- 18.9. Сновидения Перехода: общие признаки
- 18.10. Имитации в Переходах
- 18.11. Несколько примеров
- 18.12. Заключение главы

Глава 19. СновЕдение как путь: судьба, Душа, при- звание сноведа

- 19.1. Возвращение к вопросу о судьбе
- 19.2. Что было сделано: карта пройденного
- 19.3. Древо 8 веточек архетипов как карта судьбы
- 19.4. Сновидение как центральная сцена СновЕдения
- 19.5. Душа как итог пути
- 19.6. Призвание сноведа
- 19.7. Опасности призвания
- 19.8. СновЕдение как живая традиция
- 19.9. Сновидение в эпоху, отвыкающую от снов
- 19.10. Замысел книги: для кого она написана
- 19.11. Последнее слово о судьбе
- 19.12. Завершение

Словарик СновЕдения

Список литературы

Об авторе

От автора

Эта книга возникла не как сонник и не как очередной сборник толкований. Она выросла из многолетней работы со сновидениями — собственными, клиентскими, учебными, супервизорскими, клиническими, культурными. Чем дольше я работал со снами, тем яснее становилось: сновидение невозможно свести ни к остаткам дневных впечатлений, ни к случайной игре образов, ни к возвращению вытесненного желания.

Сновидение слишком точно выбирает время своего появления. Оно приходит не вообще, а в определённый момент судьбы. Оно говорит не отвлечённым символическим языком, а языком конкретной человеческой жизни. В нём могут появляться Прошлое, Настоящее и возможное Будущее. В нём слышны защиты, сопротивления, имитации, Переходы, призывы высших архетипов и работа Самости. Именно поэтому сон нельзя рассматривать как второстепенный материал. В нём часто сосредоточено то, к чему человек днём ещё не готов приблизиться.

Постепенно из этой работы сложилось СновЕдение — попытка построить строгую науку о сновидении. Строгую не в смысле холодной и схематичной, а в смысле логически чётко собранной. Сновидение требует не произвольного вдохновения толкователя, а дисциплины слышания. Нужно понимать,

какие уровни психики задействованы во сне, как работают Оно, Я и Сверх-Я, как Самость обращается к высшим архетипам, как нарцизм сопротивляется принятию ночного послания, как веточки архетипов проявляются в судьбе человека.

В этой книге я пытаюсь соединить несколько линий глубинной психологии. Фрейд открыл материк сновидений и показал, что сон имеет скрытую структуру. Юнг научил видеть в сновидении драму сновидца и ответ Бессознательного на односторонность сознания. Сабина Шпильрейн показала, что становление связано с Деструкцией прежней формы. Сонди поставил вопрос о судьбе, выборе и родовых линиях. СновЕдение не отбрасывает этих предшественников. Оно проходит через них и делает следующий шаг: рассматривает сновидение как диалог Самости с высшими архетипами о возможном Будущем человека.

Эта книга написана из профессиональной необходимости. В практике психологов и психотерапевтов сновидения часто появляются как важнейший материал, но специалисты нередко не знают, как с ними эффективно работать. Один толкует сон через детство, другой через символы, третий через психотравму, четвёртый через телесные переживания, пятый через духовные знаки. Всё это может иметь значение, но без общей карты толкование легко распадается на частные догадки. СновЕдение предлагает универсальную карту.

При этом книга не отменяет тайны сна. Напротив, она за-

щищает эту тайну от произвола. Там, где нет метода, тайна быстро превращается либо в суеверие, либо в эффектную игру слов, либо во власть толкователя над сновидцем. Метод нужен не для того, чтобы обеднить сон, а для того, чтобы не предать его смысл.

Главная мысль книги проста и трудна одновременно: сновидение — это обращение Самости к человеку о его судьбе. Его можно научиться слышать. Но слышание требует труда, смирения, внутренней открытости и готовности встретиться не только с приятными образами, но и с тем, что разрушает привычные старые защиты. Поэтому СновЕдение — не развлечение и не техника быстрого саморазвития. Это долгий путь.

Я обращаю эту книгу к тем, кто готов идти этим путём серьёзно: к психологам, психотерапевтам, психоаналитикам, юнгианским аналитикам, супервизорам, исследователям глубинной психологии, будущим сноведам и тем сновидцам, которые чувствуют, что их сны говорят о чём-то большем, чем случайные ночные картины.

Если после чтения этой книги читатель станет внимательнее к собственным снам, если психолог перестанет обращаться со сновидением как с второстепенным материалом, если будущий сновед услышит призыв к этой работе, значит, книга выполнила свою задачу.

Как читать эту книгу

Эту книгу лучше читать не как популярное руководство и не как набор готовых толкований. Она устроена как последовательное выстраивание системы. Поэтому важен порядок: сначала основания, затем метапсихология, затем метод и практика, затем завершающие главы об имитациях, Переходах и пути СновЕдения.

Первая часть книги показывает, почему полноценная наука о сновидении до сих пор не построена, и какие исторические предшественники подготовили её появление. Здесь важны Фрейд, Юнг, Шпильрейн и Сонди. Их нельзя просто повторять, но нельзя и обойти. Каждый из них открыл необходимую линию: скрытую структуру сна, символическую драму сновидца, нашу ориентацию на Будущее и вопрос судьбы.

Вторая часть вводит метапсихологию СновЕдения. Здесь нужно читать вдумчиво. Понятия архетипа, Самости, Души, нарцизма, высших архетипов, Сверх-Я, Древа 8 веточек архетипов образуют внутренний каркас всей книги. Если эти понятия прочитаны поверхностно, практические главы будут казаться слишком насыщенными. А если они усвоены, дальнейшее изложение становится ясным.

Третья часть посвящена методу. Здесь СновЕдение переходит от теории к работе с конкретными сновидениями.

Важно увидеть не только отдельные шаги метода, но и общую позицию сноведа. Сновед не навязывает сновидцу готовый смысл, не выступает прорицателем и не подменяет Самость сновидца собой. Сновед помогает услышать ночное послание, отличить архетипическое движение от защиты, реализацию веточки от провала, подлинную работу от имитации.

Четвёртая часть показывает, что сновидения особенно важны в больших узлах жизни. В Переходах старые формы перестают работать, защиты трещат, имитации рушатся, а Самость говорит громче. Поэтому сны на переходах к юности, взрослости, середине жизни, зрелости, позднему возрасту и приближению к смерти требуют особого внимания. Они нередко оказываются не просто снами, а ориентирами Будущего.

Читать книгу можно на трёх уровнях. Первый уровень — теоретический. На нём читатель следит за построением системы и видит, как СновЕдение собирает язык для строгой работы со сновидениями. Второй уровень — профессиональный. На нём психолог или психотерапевт соотносит изложенное с собственной практикой, переносом, контрпереносом, супервизией и работой с клиентскими снами. Третий уровень — личный. На нём читатель начинает проникать в свои сновидения: не как к случайности, а как обращению к Самости.

Не следует торопиться применять метод к чужим сновидениям, если собственные остаются неслышанными. Сно-

вЕдение начинается с личной дисциплины. Полезно вести дневник сновидений, записывать даже их обрывки, возвращаться к повторяющимся образам, отмечать моменты Переходов, различать сны, связанные с Прошлым, Настоящим и возможным Будущим.

При чтении важно не превращать термины в ярлыки. Сказать «это нарцизм», «это Каинова веточка», «это имитация», «это Мадонна» — ещё не значит понять сон. Термин должен помогать проникновению в послание, а не заменять его. Если понятие используется слишком быстро, оно становится защитой толкователя.

Книга требует возвращения. Некоторые главы лучше читать дважды: сначала как общее изложение, затем — рядом с конкретными снами. Особенно это касается глав о переносе Будущего, диалоге Самости с высшими архетипами, восьми веточках, имитациях и Переходах жизни. Эти разделы работают не только как теория, но и как профессиональный инструмент.

Главное правило чтения простое: не искать в книге готовый сонник. СновЕдение не говорит: если приснился дом, это означает ...; если вода — другое; если ребёнок — третье. СновЕдение спрашивает иначе: кто задействован в сновидении? в какой момент судьбы он пришёл? какая веточка активирована? какая защита сопротивляется? какой высший архетип отвечает? какое Будущее становится возможным?

Такое чтение медленнее, но точнее. Оно требует внима-

ния, выдержки и уважения к сновидению как к значимому событию жизни.

Кому адресована книга

Эта книга адресована прежде всего тем, кто готов относиться к сновидению серьёзно. Не как к развлечению, не как к мистической подсказке, не как к случайной работе мозга, а как к особому психическому событию, связанному с судьбой человека.

Психологам и психотерапевтам книга предлагает систему работы со сновидениями, которую можно использовать в практике. Многие специалисты сталкиваются со снами клиентов, но не всегда имеют строгий инструмент для их анализа. СновЕдение даёт такую опору: метапсихологическую карту, порядок вопросов, различение веточек, защит, имитаций, переносов и Переходов.

Психоаналитикам книга может быть полезна как продолжение разговора о сновидении после Фрейда. Здесь сохраняется уважение к Бессознательному, переносу, внутреннему конфликту и скрытой работе сна, но добавляется то, что во фрейдовской традиции осталось недостаточно разработанным: перенос Будущего, роль Самости, диалог с высшими архетипами и отношение сна к судьбе человека.

Юнгианским аналитикам книга адресована как попытка сделать архетипическую работу более строгой. СновЕдение принимает серьёзность юнговского отношения к символу, сновидению и внутренней драме сновидца, но вводит бо-

лее дисциплинированную карту: Древо 8 веточек архетипов, различение реализации и защиты, Каинову веточку как запретную, а также понятие имитации как сложной подделки архетипической работы.

Супервизорам и преподавателям глубинной психологии книга может дать язык для обсуждения сновидческого материала в учебных и профессиональных группах. Сновидение в супервизии часто оказывается точкой, где видны не только трудности клиента, но и ограничения специалиста: его нарцизм, его страх, его склонность к готовым схемам, его собственные неразобранные переносы.

Будущим сноведам книга адресована как основание профессии. Она не делает читателя сноведом автоматически. Сновед формируется через многолетнюю работу со своими снами, обучение, супервизию, практику, ошибки и Переходы. Но книга задаёт карту, без которой это призвание трудно совершенствовать.

Сновидцам, которые не являются психологами, книга может помочь изменить отношение к собственным снам. Она не предлагает быстрых ответов, зато учит уважать ночное послание. Сновидец может начать записывать сны, видеть повторяющиеся мотивы, различать защитные повторы и призывы Будущего, понимать, что тяжёлый сон не всегда является дурным знаком, а иногда показывает необходимость внутреннего Перехода.

Книга не предназначена для тех, кто ищет магию, гада-

ние, эзотерическую власть, быстрые рецепты, универсальный сонник или способ управлять другими людьми через толкование их сновидений. СновЕдение не даёт права властвовать над сновидцем. Напротив, оно требует скромности перед его Самостью и судьбой.

Эта книга также не предназначена для поверхностного саморазвития. Здесь нет обещания лёгкой гармонии, быстрых инсайтов и немедленного исцеления. Сновидение часто говорит жёстко. Оно может показать защиту, ложную правоту, имитацию, отказ от веточки, застревание в Прошлом. Но именно поэтому работа со снами оказывается столь ценной.

Лучший читатель этой книги — тот, кто готов не только понимать, но и меняться. Тот, кто не хочет использовать сон для подтверждения уже известного о себе, а готов услышать то, что Самость говорит о возможном Будущем.

Часть

I

. Основания СновЕдения

Глава 1. Почему до сих пор нет науки о сновидении

О сновидениях написано так много, что у неподготовленного читателя легко возникает иллюзия: если книг множество, значит, и наука давно существует. Однако именно здесь начинается первая ошибка. Обилие толкований ещё не образует науки. Напротив, чрезмерное количество разрозненных объяснений часто свидетельствует о том, что предмет не собран, не упорядочен и не введён в единую систему. Там, где один и тот же феномен можно толковать десятками несводимых способов, мы имеем дело не с наукой, а с донаучным множеством версий, школ, впечатлений, интуиций и частных догадок.

Сновидение на протяжении веков вызывало у человека одновременно страх, надежду и любопытство. В одни эпохи его считали посланием богов, в другие — шифром вытесненных желаний, в третьи — физиологическим шумом мозга, почти лишённым смысла. Эти подходы различаются настолько сильно, что сама их несоединимость должна была бы насторожить психологов. Ведь если одни называют сон священным посланием, другие — регрессией к детскому желанию, а третьи — эпифеноменом, то вопрос должен стоять не о выборе понравившегося объяснения, а о более строгой

задаче: на каком основании может быть построена наука о сновидении?

Эта глава исходит из простого тезиса: до сих пор полноценной науки о сновидении не возникло. Было великое открытие территории сновидения, были сильные интуиции, были блестящие частные техники, были талантливые интерпретаторы, но не было завершённой, внутренне согласованной, метапсихологически выстроенной системы. Именно поэтому разговор о сновидении до сих пор то и дело сползает либо в символический произвол, либо в богословскую образность, либо в клинический редукционизм, либо в личные впечатления толкователя.

1.1. Наука начинается не с наблюдений, а с парадигмы

Любая наука нуждается не только в фактах, но и в способе их собирать, сравнивать и упорядочивать. Отдельные наблюдения ещё не создают научной дисциплины. Для науки необходим каркас, в рамках которого становится ясно, что считать главным, что — вторичным, что — исключением, что — подтверждением, а что — ошибкой. Иначе факты не складываются в знание. Они остаются рассыпанными фрагментами.

Именно поэтому всякий серьёзный разговор о сновидении должен начинаться не с перечня образов, не с расшифровки символов и даже не с клинических случаев, а с вопроса о парадигме. Что такое сон в принципе? Откуда он берётся? Кому он адресован? О чём он говорит: о Прошлом, Настоящем, Будущем? Отражает ли он только самого сновидца или же включает в себя его внутренние отношения со значимыми объектами? Возникает ли он как случайный выброс материала или как структурированное послание? Пока на эти вопросы не дан цельный ответ, никакая «практика толкования» не может считаться наукой.

Отсутствие парадигмы легко распознается по одному признаку: интерпретатор произвольно выбирает то, что ему ближе. Один видит в сновидении вытесненное желание, дру-

гой — архетипическую фигуру, третий — остатки дневных впечатлений, четвёртый — соматическую реакцию, пятый — религиозный знак. И каждый в каком-то смысле находит подтверждение своей позиции, потому что сама система не задала строгого приоритета уровней. В результате сон превращается в экран, на который накладывается не структура психики сновидца, а мировоззрение толкователя.

Наука о сновидении начнётся только там, где будет выстроен порядок интерпретации. Это значит, что у нас должен появиться ответ на несколько принципиальных вопросов. Что в сновидении является первичным? Что вторичным? Какие элементы обязательны для любой интерпретации? Что нельзя пропустить без грубой потери смысла? На каком уровне возникает ошибка? Какая структура делает разные сны соотносимыми друг с другом? До тех пор, пока эти вопросы остаются открытыми, СновЕдение может быть темой культуры, философии, религии, литературы или терапии, но не наукой в собственном смысле слова.

1.2. Что делает дисциплину наукой

Чтобы вопрос науки о сновидениях не оставался неопределённым, нужно уточнить, что вообще делает ту или иную дисциплину наукой. Наука начинается не там, где накоплено много наблюдений, и не там, где существуют сильные интерпретаторы. Она начинается там, где удаётся связать наблюдаемое с устойчивыми закономерностями. В противном случае мы имеем дело либо с искусством толкования, либо с опытом, либо с впечатляющей практикой, но не с наукой в строгом смысле слова.

У всякой науки есть по меньшей мере четыре опоры. Во-первых, у неё должен быть точно очерченный предмет. Недостаточно сказать, что наука о сновидении занимается «снами». Нужно показать, что именно мы называем сновидением: случайный продукт сна, символическую переработку впечатлений, сцену переноса, выражение внутреннего конфликта или сообщение психической реальности о судьбе человека. Пока сам предмет остаётся расплывчатым, невозможна и строгая наука.

Во-вторых, наука требует единицы анализа. В физике, химии и биологии исследователь всегда знает, что именно он принимает за минимальный осмысленный элемент рассмотрения. Психология сновидений слишком долго существовала без этого требования. Она легко переходила от образа к

чувству, от чувства к символу, от символа к биографии, от биографии к телу, от тела к мифу, но не имела общего элемента, через который можно было бы удерживать единство предмета. Именно поэтому в нашей книге так важен архетип: не как украшение языка, а как кандидат на роль первичного элемента психической реальности.

В-третьих, наука невозможна без порядка в интерпретации. Исследователь должен знать, с чего начинать рассмотрение материала и в какой последовательности продвигаться дальше. Пока этого порядка нет, сновидение слишком легко превращается в поверхность для произвольных ассоциаций. Тогда всякий толкователь начинает видеть в нём прежде всего самого себя: свои вкусы, свои убеждения, свои излюбленные схемы. Строгая наука возникает лишь там, где интерпретация подчинена порядку, а не вдохновению.

И, наконец, наука требует критериев ошибки. Это особенно важно. Пока неясно, что именно в толковании сна является ошибкой, невозможна и корректировка знания. Ошибка может заключаться в подмене объекта символом, в смешении Прошлого с Будущим, в игнорировании переноса, в переоценке детали, в неверном различении уровней психической реальности. Но всё это должно быть зафиксировано документально. Иначе каждый будет считать ошибкой только то, что противоречит его любимой школе.

Вот почему вопрос о науке СновЕдения требует строгости. Наука — это не множество красивых объяснений. Это

предмет, единица анализа, порядок интерпретации и критерии ошибки. Пока хотя бы одно из этих звеньев не выстроено, дисциплина ещё не достигла зрелости.

1.3. Великое открытие Фрейда и его исторический предел

Прежде чем сновидение могло стать предметом психологического анализа у Фрейда, должен был совершиться более глубокий культурный сдвиг — перенос религиозного переживания от церковного института во внутренний опыт субъекта. Без этого сдвига глубина человека оставалась бы предметом богословия, а не психологии; и сновидение оставалось бы либо знамением, либо случайным обрывком ночи, но не местом встречи со своей судьбой.

Этот сдвиг связан прежде всего с именем Фридриха Шлейермахера (1768–1834), немецкого теолога и философа, чьи «Речи о религии к образованным людям, её презирающим» (1799) впервые громко утверждали, что религия есть не догмат и не мораль, а непосредственное переживание бесконечности внутри человека. Шлейермахер перенёс центр религиозной жизни из института в субъект. После него европейская культура постепенно научилась думать о внутреннем мире человека как о пространстве, имеющем собственную глубину, собственное движение и собственные источники смысла. Без этого культурного фундамента невозможно понять, почему Фрейд смог объявить сновидение «царской дорогой к Бессознательному», а Юнг — местом встречи с архетипами. Они работали уже на почве, подготовленной

Шлейермахером и романтической традицией, к которой он принадлежал.

СновЕдение считается с этим культурным сдвигом — но не с его опасностями. Опасность шлейермахеровского хода состоит в том, что внутреннее переживание само по себе объявляется критерием подлинности. «Я чувствую глубину» становится самодостаточным удостоверением её реальности. В шлейермахеровском подходе нет инструмента, который позволил бы отличить подлинную глубину от нарциссической инфляции, подлинное Бого-сознание от защитной иллюзии, подлинное призвание от самозванной миссии. Этот недостаток не был случайным изъяном одного автора — он был вообще встроен в программу романтической религиозности и через неё перешёл в значительную часть внецерковной духовности, включая многие современные её формы. С этой опасностью СновЕдение работает напрямую: книга, лежащая перед читателем, есть, среди всего прочего, развёрнутый инструмент различения, которого Шлейермахер не дал, да и не мог дать.

Шлейермахер занимает в истории особое место — место предшественника, открывшего пространство для последующей работы, но не способного выполнить эту работу сам. Он обозначил поле. Фрейд начал его возделывать. Юнг и Шпильрейн углубили. Сонди добавил родовые связи. СновЕдение строит на этом фундаменте более строгую конструкцию.

Было бы грубой неблагодарностью утверждать, что психология вовсе не приблизилась к науке о сновидении. Напротив, Фрейд сделал решающий шаг, без которого никакой дальнейший разговор вообще невозможен. Его заслуга не в том, что он дал окончательную теорию сновидений, а в том, что он открыл материк сновидений как пространство, достойное строгого исследования. Он снял со сна печать случайности и показал, что сон имеет внутренний смысл, структуру и отношение к жизни человека. Это открытие было столь мощным, что по масштабу его можно сравнить с открытием нового континента: до Фрейда о сновидении говорили, после Фрейда стало возможно его исследовать.

Но великое открытие территории не тождественно построению чёткой карты. Первооткрыватель почти неизбежно действует в условиях нехватки понятий, языка и схем. Он видит главное раньше, чем успевает разработать всю систему. Поэтому признание гениальности Фрейда требует не пассивного повторения, а продолжения его дела. Его мысль нельзя законсервировать, не исказив её внутренний импульс. Всегда есть шанс превратить психоанализ в хранение реликвий вместо развития знания.

Историческая роль Фрейда парадоксальна. Он дал психологии сновидение как предмет науки, но последующее развитие психоанализа не сумело модифицировать его первоначальную конструкцию. Психоанализ в значительной степени сохранил основную сцену фрейдовского мышления: вле-

чение, вытеснение, цензура, искажение, компромисс, дневные впечатления, регрессия. Все это чрезвычайно важно. Но в какой-то момент описание механизмов стало подменять собой более широкую задачу: построение целостной схемы психической реальности, внутри которой сновидение заняло бы предназначенное ему место. Там, где нужен был дальнейший теоретический рост, произошла стагнация.

Это застывание и стало одной из причин того, что наука о сновидении не состоялась. Материк был открыт, но не освоен. Более того, его начали заселять конкурирующие школы, каждая из которых выдвинула на первый план свой любимый принцип и стала выдавать его за целое. Так происходит всегда, когда центр системы недостаточно прояснён.

1.4. Застывшая схема психической реальности

Всякая наука о психике неизбежно упирается в вопрос о её устройстве. Что именно мы считаем психической реальностью? Какие в ней обнаруживаются уровни? Как соотносятся внутренние объекты, защиты, влечения, совесть, Самость, нарцизм, перенос, архетипы? Если на эти вопросы не ответить, интерпретация сновидения будет постоянно соскальзывать либо в описательность, либо в случайные ассоциации.

Одна из главных причин отсутствия науки о сновидении состоит в том, что схема психической реальности после Фрейда не была должным образом развита. Её продолжали использовать, спорить о ней, локально модифицировать, но не перестраивали системно. Между тем именно на этом уровне и должна была произойти решающая работа. Пока карта психики остаётся незавершённой, сновидение не может получить точного места в её структуре. Оно всё время будет толковаться то как продукт одного участка психики, то как сообщение из другого, то как побочный шум, то как символическая компенсация, то как драматизация конфликта — но без общего психического закона.

Здесь возникает особенно важный вопрос: что должно пронизывать всю психическую систему как единый элемент?

В технической системе, физической системе, химической системе мы отыщем такой элемент, без которого нельзя связать части в целое. Психология же слишком часто обходилась без этого требования. Она допускала сосуществование многочисленных понятий, но не выстраивала их вокруг центра. В результате каждое новое направление добавляло свой словарь, а не интегрировало весь предмет.

Если психика мыслится как разрозненное множество, то и взглядов на сновидение будет много. Если же психика имеет внутренний единый принцип, то и интерпретация сна должна строиться вокруг него. В предлагаемом подходе таким принципом выступает архетип — не в декоративно-символическом смысле, а как первичный элемент, проходящий через все уровни психической реальности. Без этого шага сновидение остаётся либо риторической метафорой, либо техникой впечатляющей, но методологически рыхлой.

1.5. Что осталось недодуманным после Фрейда

Когда говорят о пределе фрейдовской модели, часто совершают одну из двух ошибок. Либо начинают слишком быстро отвергать Фрейда, будто он лишь задержал развитие психологии, либо, напротив, относятся к нему так, словно после его открытий нельзя делать дальнейших шагов. Обе позиции бесплодны. Гораздо важнее понять, что именно осталось после него недодуманным.

Прежде всего осталась незавершённой архитектура психической реальности. Фрейд дал колоссальный прорыв, но его схема не доведена до той степени внутренней интеграции, которая позволила бы разместить все ключевые элементы психики на единой карте. Влечения, вытеснение, симптом, Бессознательное, Я, Сверх-Я, перенос, фантазия, внутренние объекты — всё это было замечено, но не собрано вокруг одного интегрирующего центра. Поэтому после Фрейда школа росла скорее путём добавления новых понятий, чем путём интеграции найденного.

Во-вторых, осталось недодуманным отношение сновидения к Будущему. Фрейдовская теория была гениальна в раскрытии причин, но значительно слабее в описании направленности. Она великолепно отвечала на вопрос, почему внутренний конфликт возник и как он возвращается в

симптоме и сне. Но она менее уверенно отвечала на вопрос: к чему сновидение ведёт, какую форму жизни оно предвосхищает, какую судьбу оно пытается обозначить, даже если делает это в искажённом виде. Без этого измерения сновидение слишком легко превращается в архив вытесненного Прошлого.

В-третьих, недоработанным остался вопрос о переносе в сновидении. Психоанализ научил видеть перенос в лечении, в отношении к аналитику, в повторении значимых паттернов. Но гораздо меньше усилий было направлено на то, чтобы увидеть, как перенос встроен в структуру самого сновидения. А между тем сон никогда не является нейтральной картиной. Он всегда включает в себя и внутреннее отношение психических сфер и их подструктур. Именно здесь и проходит одна из решающих границ между просто впечатляющим толкованием и подлинной наукой о сновидении.

В-четвёртых, психоанализ не дал окончательного ответа на вопрос о том, что именно должно считаться единым элементом психической реальности. Эта нехватка особенно болезненно сказалась на дальнейшем развитии дисциплины. Когда единый центр науки не определён, каждое новое направление начинает предлагать свой собственный центр: влечение, объект, аффект, символ, архетип, защиту, язык, тело, психотравму. В результате предмет распадается, потому что вместо внутренней иерархии возникает конкуренция словарей.

И, наконец, после Фрейда недостаточно был прояснён вопрос о том, где проходит граница между первичным и вторичным в толковании сна. Это выглядит технической деталью, но на деле именно здесь ломается дисциплина. Пока неясно, что во сне первично — объект, архетип, сцена, конфликт, перенос или эмоциональная окраска, — толкование будет постоянно скатываться в произвол. Один исследователь будет увлечён символикой, другой телесными сигналами, третий защитами, четвёртый биографией. Но без иерархии уровней всякая интерпретация останется частной.

Именно поэтому продолжать Фрейда — значит не ориентироваться полностью на прежнюю модель, а доводить до конца то, что он оставил в состоянии великого начала. Его задачей было открытие материка сновидений. Наша — построением карты, способной выдержать строгий взгляд на психическую реальность, на Прошлое, на Будущее и на роль сновидения в судьбе человека.

1.6. Подмена главного вторичным

Научное мышление отличается от донаучного прежде всего способностью отличать главное от производного. Там, где исследователь не умеет выделять первичное, он тонет в множестве деталей и эффектов. Это особенно заметно в психологии сновидений. Интерпретатору постоянно бросаются в глаза эмоции, яркие символы, отдельные детали, телесные реакции, экзотические образы, пугающие сцены, эротические намёки. Все это завораживает. Но завораживающее почти никогда не совпадает с главным.

Одной из типичных ошибок психологии сновидения стало выдвигание вторичных феноменов на место первичных. Эмоции начали трактоваться как центр сновидения, хотя они нередко лишь сопровождают работу более глубоких структур. Защитные механизмы стали служить едва ли не универсальным ключом, хотя защита может быть следствием более фундаментального конфликта. Символика была раздута до такой степени, что интерпретация иногда превращалась в игру слов и образов, не приводящую к точной психической конструкции.

Из-за этого сновидение нередко утрачивало свою значимость в качестве сообщения о послании и направлении психической жизни. Сновидение начинали рассматривать как набор впечатляющих фрагментов, а не как организованное

образование. Между тем задача науки состоит не в том, чтобы впечатляться, а в том, чтобы различать уровни значимости. Какая фигура во сне является опорной? Какой внутренний объект задействован? Какой архетип активирован? Какой конфликт задаёт динамику? Какое место занимает сновидец в этой конфигурации? Что в сновидении относится к сложившейся структуре, а что — к её возможному Будущему? Пока эти вопросы не поставлены, все разговоры о яркости символов остаются второстепенными.

Наука о сновидении начнётся лишь тогда, когда психолог перестанет подчиняться соблазну привлекательной детали и вернётся к конструкции. Деталь важна не сама по себе, а только если она помогает целому.

1.7. Типичные ошибки толкователя сновидений

Как только мы признаём, что наука о сновидениях требует строгого разведения главного и вторичного, становится возможным назвать и типичные ошибки толкователя. Эти ошибки важны не только практически. Они показывают, почему дисциплина так легко соскальзывает из науки в произвол.

Первая ошибка — увлечение яркой деталью. Толкователь оказывается захвачен какой-нибудь одной фигурой, предметом, цветом, животным, эротическим намёком или пугающим эпизодом и начинает строить интерпретацию вокруг впечатляющего фрагмента. Но яркость детали почти никогда не гарантирует её важности. Очень часто наиболее кричащий образ служит лишь отвлекающим моментом, тогда как истинная структура сна находится в другом месте — в отношениях между фигурами, в роли значимого объекта, в вариациях Будущего.

Вторая ошибка — подмена структуры эмоцией. Это особенно соблазнительно для психолога, привыкшего работать с чувствами. Если сон вызывает страх, стыд, восторг, тревогу или радость, интерпретатор легко начинает считать эмоцию главным ключом. Между тем чувство может быть лишь сопровождением более глубокой психической сцены. Сама

по себе эмоция редко даёт карту сна. Она указывает на напряжение, но не объясняет его устройства.

Третья ошибка — смешение символа и объекта. В одном случае фигура сна понимается слишком буквально, в другом — слишком метафорически. Либо человек видит во сне мать и сразу решает, что речь идёт непременно о реальной матери, либо, напротив, столь же поспешно объявляет всякую фигуру лишь символом «части личности». Но подлинная работа начинается как раз там, где необходимо различать: когда фигура является значимым объектом, когда — переносной заменой, когда — архетипическим образом, а когда — защитной маской.

Четвёртая ошибка — психологизация без метапсихологии. Толкователь может быть очень наблюдателен, очень тонко чувствовать переживания пациента, хорошо замечать обиду, тревогу, чувство вины, зависимость или потребность в любви. Но если всё это не введено в структуру психической реальности, интерпретация останется психологическим комментарием, а не научным толкованием. Наука начинается не с сопереживания, а с умения встроить переживание в карту психики.

Пятая ошибка — нравоучение вместо интерпретации. Эта ошибка особенно опасна потому, что маскируется под серьёзность. Толкователь начинает не приступать к пониманию сна, а воспитывать сновидца, выдавая моральный комментарий за психологическое знание. Но сновидение не нуж-

дается в том, чтобы его «одобряли» или «осуждали». Оно требует рассмотрения своей структуры, а не выслушивания чужого вердикта.

Наконец, одна из самых тонких ошибок — привнесение в сон идей готовой школы до того, как исследована пережитая сцена. Тогда сновидение перестаёт быть объектом и становится иллюстрацией. Один толкует всякий сон как желание, другой — как архетипическую драму, третий — как телесную разрядку, четвёртый — как религиозный знак. Но как только теория начинает использовать сновидение лишь для подтверждения своих идей, предмет исчезает.

Поэтому типичные ошибки толкователя — это не мелкие технические погрешности. Это симптомы отсутствия научной дисциплины. Там, где нет строгого различения уровня объекта, архетипа, переноса, конфликта и Будущего, толкование почти неизбежно совершает промахи. А значит, вопрос об ошибках — это ещё один путь к вопросу о том, возможна ли наука о сновидении.

1.8. Игнорирование переноса в самом сновидении

Ещё одна причина, по которой наука о сновидении не состоялась, связана с переносом. Психоанализ давно признал центральную роль переноса в терапии. Более того, без понятия переноса глубинная психология теряет клиническую остроту. Но здесь возникает удивительный теоретический провал: перенос как будто признается в кабинете, в отношениях пациента и аналитика, в повторении значимых паттернов, но гораздо слабее осмысливается в жизни и материале сна.

Между тем сновидение не является нейтральным текстом. Оно никогда не существует вне психических отношений. Сновидение не только изображает что-то; оно адресует, смещает, переносит, подменяет, связывает фигуры, вовлечённые во внутреннюю сцену. В нем уже действует отношение. Следовательно, сновидение нельзя понимать только как сцену желания, конфликта или символизации. Его необходимо рассматривать и как сцену переноса.

Игнорирование этого обстоятельства дорого обходится интерпретации. Если мы не видим переноса, мы неверно оцениваем смысл фигур. Мы принимаем объект за автономный символ, тогда как он может быть внутренней заменой значимого лица. Мы читаем сцену буквально, тогда как она организована особыми внутренними отношениями. Мы ду-

маем, что сон говорит только о сновидце, тогда как он одновременно говорит о его связях, ожиданиях, зависимостях, претензиях, надеждах и бессознательных обращениях к значимым объектам.

Именно здесь становится ясно, почему наука о сновидении не может быть сведена ни к символике, ни к клиническому описанию механизмов. Сон должен быть введён в карту психической реальности как динамический узел, в котором пересекаются архетипы, значимые объекты, Самость, нарцизм и перенос. Без этого шага любая интерпретация рискует остаться односторонней.

1.9. Почему множественность школ не решает проблему, а усугубляет её

На первый взгляд может показаться, что отсутствие одной господствующей науки о сновидении не так уж страшно. Можно ведь сказать: чем больше школ, тем богаче психология. Пусть существуют разные подходы, а практик будет выбирать из них то, что ему полезно. Это рассуждение удобно, но методологически слабо. Для практики оно может быть терпимым, для науки — губительным.

Множественность школ становится плодотворной только после того, как существует общий каркас предмета. Тогда школы спорят внутри науки. Но если общего каркаса нет, то школы не обогащают предмет, а размывают его. Каждая из них начинает говорить на собственном языке, выделять свою причинность, опираться на свои критерии истинности. В результате предмет не развивается, а распадается.

Именно это и произошло с изучением сновидений. Вместо того чтобы стать общепсихологическим научным ядром, через которое можно было бы уточнять устройство психики, оно превратилось в площадку конкурирующих истолковывающих режимов. Для одних оно стало театром желаний, для других — сценой архетипов, для третьих — компенсацией сознательной установки, для четвертых — продуктом дневных впечатлений, для пятых — богословским знаком, для

шестых — нейрофизиологическим феноменом. Этот плюрализм не может считаться достижением. Он свидетельствует о том, что психологический объект ещё не получил строгого определения.

1.10. Что должна сделать новая теория

Если признать, что науки о сновидении до сих пор нет, то следующая задача состоит не в очередном мнении о нём, а в формулировке требований к новой теории. И здесь нужно быть предельно точным.

Во-первых, новая теория должна опираться на ясную парадигму. Она обязана ответить, чем является сновидение по своему психическому статусу.

Во-вторых, она должна исходить из целостной схемы психической реальности. Сон не может пониматься отдельно от того, как устроены сферы Я, Оно, Сверх-Я, значимые объекты, Самость, нарцизм, Душа и высшие архетипы.

В-третьих, она должна выделить единый первичный элемент, проходящий через всю психику. Без этого интерпретация будет снова распадаться на частные языки.

В-четвертых, она должна вернуть сновидению динамику переноса. Сон — это не только образ, но и отношение.

В-пятых, она должна строго различать первичное и вторичное. Не символическая яркость, не эмоция, не экзотика образа, а структура психической сцены должна стать центром толкования.

И, наконец, новая теория должна показать, что сон относится не только к Прошлому человека, но и к его направлен-

ности, к его судьбе, к возможному Будущему. Иначе сновидение окажется сведённым к архиву вытесненного, тогда как психическая функция сна значительно шире.

1.11. Почему вопрос о сновидении — это вопрос о судьбе человека

Может показаться, что спор о науке СновЕдение — это спор лишь о методе, о школе, о языке описания или о порядке интерпретации. Но в действительности речь идёт о гораздо большем. Вопрос о сновидении — это вопрос о том, способна ли психология вообще дать человеку карту его внутренней судьбы.

Пока сновидение остаётся либо набором образов, либо архивом вытесненного, либо поводом для свободных ассоциаций, человек лишается одного из важнейших путей к пониманию своей судьбы. Он может знать многое о симптомах, о психотравме, о характере, о биографии, о семейной истории. Но если сон не получает точного места в структуре психики, остаётся затемнённой линия внутреннего продвижения человека. А ведь именно сновидение часто оказывается той формой, в которой психика говорит не только о том, что её ранило, но и о том, куда она направляется.

Здесь проходит решающая граница между случайным толкованием и метапсихологией. Если сон касается только уже случившегося, тогда психология обречена быть археологией страдания. Она будет всё лучше понимать истоки, причины, ранние сцены, вытесненные конфликты, но будет слабее отвечать на вопрос, что именно человек должен сделать

со своей жизнью дальше. Тогда сновидение останется разговором о прошлых впечатлениях, а не о векторе восхождения.

Но если признать, что сновидение участвует в построении судьбы, тогда оно сразу меняет свой статус. Оно перестаёт быть только ночной проработкой впечатлений дня или хитроумной маскировкой желания. Оно становится частью того процесса, в котором психическая реальность погружается в прояснение отношений между Прошлым, Настоящим и Будущим. В этом случае вопрос о сновидении перестаёт быть узкотехническим. Он становится вопросом о том, как человек встречается со своей судьбой.

Именно поэтому так важно, чтобы сон был введён в строгую карту психической реальности. Без этого человек либо романтизирует сновидения, либо игнорирует их, либо прибегает к произвольным толкованиям, которые говорят о самом толкователе больше, чем о сновидце. Наука нужна не для того, чтобы лишить сон тайны, а для того, чтобы не дать тайне превратиться в хаос.

Сновидение имеет прямое отношение к судьбе ещё и потому, что оно обнаруживает важные узлы внутренней сцены: значимые объекты, активированные архетипы, скрытые конфликты, формы переноса, напряжение между тем, чем человек был, и тем, чем он может стать. Там, где эта сцена рассмотрена неверно, человек теряет ориентир. Там, где она начинается проясняться, он получает не приказ, а более точное понимание направления.

В этом и состоит подлинная серьёзность темы. Речь идёт не о том, чтобы научиться «красиво толковать» сны. Речь идёт о возможности различать, где психика застряла в повторяющихся сценариях, где она защищается, где продолжает говорить языком Прошлого, а где начинают подаваться знаки Будущего. Поэтому вопрос о сновидении — это не частный вопрос глубинной психологии. Это вопрос о том, может ли человек видеть и работать со своей судьбой.

1.12. Переход к дальнейшему изложению

Таким образом, вопрос о том, почему до сих пор нет науки о сновидении, не является риторическим. Ответ на него требует пересмотра самого основания психологии сна. Проблема не в том, что сновидения слишком таинственны. Проблема в том, что психология слишком долго довольствовалась либо схемами пережитого опыта, либо эффектными частными техниками, не решаясь на более радикальную задачу: подойти к сновидению как к целостной метапсихологической системе.

Именно поэтому книга должна начать не с толкований, а с основания. Не с ярких снов, а с ответа на вопрос, что именно делает сновидение предметом науки. Не с множества школ, а с того, что позволяет увидеть их силу и их предел. Сначала необходимо пройти через Фрейда, Юнга, Шпильрейн и Сонди, чтобы затем построить более строгую конструкцию. Не для того, чтобы обесценить предшественников, а для того, чтобы продолжать работу, которую они начали, но не могли завершить в рамках своих эпох и своих понятийных средств.

Сновидение заслуживает большего, чем восхищение, суеверие или свободная игра ассоциаций. Оно заслуживает науки. Но наука начинается лишь там, где психолог решается различить: что в сновидении главное, что вторичное, что го-

ворит Прошрое, что — Настоящее, что — перенос, что — архетип, что — структура, а что — только её поверхностный отблеск. С этого различения и должно начинаться подлинное СновЕдение.

Глава 2. Фрейд: открытие материка сновидений

Если первая глава должна была показать, почему до сих пор не возникла полноценная наука о сновидении, то вторая обязана сделать следующий необходимый шаг: назвать источник проблемы. Невозможно писать книгу о сновидении так, будто до нас никто не сделал ничего значительного. Сновидение как предмет огромного внимания, как область, заслуживающая систематического рассмотрения, как путь к психической реальности человека — всё это стало возможным благодаря Фрейду. В этом смысле всякое СновЕдение начинается с признания первенства Фрейда.

Но признание первенства не означает капитуляции. Напротив, по-настоящему признать первооткрывателя — значит увидеть не только то, что он открыл, но и то, чего он не успел, не смог или не захотел довести до конца. Великий исследователь заслуживает не музейной тишины, а продолжения воплощения задуманных им планов. Если бы Фрейд действительно открыл какой-либо географический материк, то тем самым он бы обрёк последующих исследователей на необходимость исследовать его дальше. То же и с материком сновидений! И если психологи и психоаналитики не продолжают дело Фрейда, то вина лежит не на Фрейде, а на тех, кто

превратил открытие в догму.

Именно поэтому эта глава будет держаться двойного движения. С одной стороны, мы обязаны признать, что без Фрейда серьёзной науки о сновидении не существовало бы вообще. С другой стороны, мы обязаны показать, что и с Фрейдом эта наука не завершена. Функция этой главы — отдать должное первооткрывателю, а её тезис — Фрейд открыл материк сновидения, но созданной им парадигмы недостаточно. Следовательно, спор должен вестись не с величием Фрейда, а с ограниченностью представленной им модели. Такая установка и будет выдержана на протяжении всей главы.

2.1. Почему без Фрейда нельзя обойтись

До Фрейда сновидения, конечно, представляли огромный интерес. Их толковали задолго до появления психоанализа. Они принадлежали жрецам, гадалеям, мистическим традициям, народным сонникам, врачебным наблюдениям и философским прозрениям. Но во всём этом сновидение чаще всего оставалось либо знамением, либо загадкой, либо любопытством, либо побочным феноменом. Фрейд сделал нечто иное. Он впервые с последовательностью и решимостью поставил сновидение в центр серьёзного исследования: «Сновидение – царская дорога в Бессознательное!»

Это и означает открытие материка. Материк — не потому, что до этого сновидений не существовало, а потому, что никто не придал ему огромного статуса. После Фрейда стало невозможно относиться к сновидению как к чему-то второстепенному. Даже если кто-то не согласен с фрейдовской теорией, он всё равно вынужден обсуждать сновидение уже с той высоты, которую задал Фрейд. С этой точки зрения влияние Фрейда не исчерпывается набором его формул. Он изменил уровень обсуждения.

Фрейд пошёл гораздо дальше древних толкователей сновидений, поскольку не просто интерпретировал отдельные сны, а всерьёз приблизился к самому феномену сновидения.

Но при всей ценности этого шага речь ещё не идёт о завершённой метапсихологии сна. Тем самым уже намечено главное различие этой главы: Фрейд открыл, но не завершил.

Это различие особенно важно для читателя нашей книги. Если его не удержать, книга развалится на одну из двух крайностей. Либо мы будем без конца повторять Фрейда, как будто у нас нет своего замысла. Либо начнём раздражённо опровергать его, как будто имя Фрейда мешает мыслить. Обе позиции бесплодны. Первая превращает нас в комментаторов. Вторая — в нервных полемистов. Нам нужно третье: увидеть в Фрейде неизбежное начало, и продолжать идти вперёд.

2.2. «Толкование сновидений» как великая книга начала

Фрейд считал «Толкование сновидений» (1900) своей лучшей книгой. Но с точки зрения построения психоаналитической системы более важной книгой выступает «Я и Оно» (1923), поскольку там в большей степени представлена метапсихологическая конструкция. Эта двойная оценка «Толкования» чрезвычайно плодотворна. Она позволяет не обожествлять «Толкование сновидений», но и не обесценивать его.

«Толкование сновидений» — великая книга начала. Она впервые относится к сновидению как к систематически исследуемому материалу. Она показывает, что сон имеет строение, что он не случаен, что его элементы поддаются распутыванию, что за явным содержанием стоит скрытая сновидческая работа. Всё это — открытия первого порядка.

Но именно потому, что книга так сильна, важно понять и её предел. Она была создана ещё до психоанализа, который в собственном смысле сформируется позднее (1905). Следовательно, перед нами ещё не метапсихология в строгом виде, а скорее великое, гениальное приближение к предмету. В «Толковании сновидений» много феноменологии, много живого материала, много инсайтов, но ещё недостаточно той собранности, которой будет требовать зрелая психоаналити-

ческая теория.

Вот почему для нашей книги важно удержать правильный тон. «Толкование сновидений» — не завершённая теория сновидений, а великая книга начала. Она открывает дорогу, но не проходит её до конца. Она даёт первый язык, но не последний. Она показывает, что сновидение заслуживает науки, но сама ещё не становится наукой в полном смысле слова.

2.3. Что именно открыл Фрейд

Открытие Фрейда не следует сужать до формулы «сновидение имеет скрытый смысл». Это было бы несправедливо. Его вклад гораздо глубже и шире.

Прежде всего он открыл, что сновидение для его понимания требует интерпретации. До него сон можно было возвеличивать, бояться, использовать в гадании, собирать, пересказывать, но Фрейд сделал из него материал для систематической научной работы. Фрейд научил психологию, что сновидение — не ночная проработка впечатлений дня, а особая форма психической активности.

Далее он открыл, что в сновидении происходит внутренняя психическая работа. Сгущение, смещение, образительность, вторичная обработка и другие механизмы, которые Фрейд описывал как работу сна, можно критиковать, перестраивать и дополнять. Но само открытие того, что в сновидении осуществляется психическая работа, а не просто что-то происходит, было колоссальным.

Затем он открыл, что сновидение связано с внутренней жизнью сновидца. После Фрейда невозможно относиться к сновидению как к чисто внешнему знаку. Сон больше не «приходит» извне в наивном смысле; он разворачивается внутри психической реальности сновидца.

И, наконец, он открыл метод недоверия к явному содер-

жанию сновидений. Фрейд научил психологию не верить поверхности материала. Он ищет конструкцию, которая позволяет понять психический феномен. Именно это и делает Фрейда великим даже там, где его конкретные выводы приходится корректировать.

Фрейд велик не потому, что его формулы надо повторять дословно, а потому, что он научил психологию не доверять видимому и слышимому, а искать то, что скрывается. Поэтому он остаётся нашим предшественником даже там, где мы спорим с ним, или пытаемся опровергнуть.

2.4. Фрейд как создатель нескольких научных идей сразу

Фрейд не был узким исследователем одного феномена. Он постоянно расширял поле, в котором внутренний мир человека становился предметом науки. Его не следует читать как автора одного тезиса. Он не равен формуле исключительно о желании. Он не равен свободным ассоциациям. Он не равен Эдипову комплексу. Фрейд — это прежде всего неограниченный масштаб работы с психическим материалом.

Его интересует не только симптом, но и способ его маскировки; не только переживание, но и его место в системе; не только отдельный случай, но и скрытый закон, который за ним стоит. Метапсихология в этом смысле есть попытка выйти за пределы простых психических феноменов и взглянуть на них с парадигмальной высоты. Именно в этом смысле Фрейд остаётся нашим предшественником. Даже там, где его карта сновидений оказывается уязвимой, сама его установка на парадигму остаётся образцовой.

Но в этом же и причина его незавершённости. Чем шире поле, которое открывает первооткрыватель, тем больше в его трудах остаётся колебаний, переходных форм, незавершённых узлов. Фрейд оказывается одновременно и сильнее, и противоречивее, чем его упрощённые портреты. Такой Фрейд гораздо интереснее памятника. Это не бронзовая

фигура, а живой, не всегда завершённый, местами противоречивый, но великий мыслитель.

2.5. Где проходит предел «Толкования сновидений»

Самая важная критическая мысль этой главы заключается не в том, что Фрейд ошибался, а в том, где обнаруживаются пределы его модели.

Первый предел — отсутствие завершённой метапсихологической карты. В «Толковании сновидений» действует ещё ранняя схема психики — Сознательное, Предсознательное, Бессознательное и цензуры между ними. Эта схема важна исторически, но она не даёт той степени интеграции, которая необходима для зрелой науки о сновидении.

Второй предел — недоработка сферы Сверх-Я. Даже «Я и Оно», как бы ни была эта книга важна, не исчерпывает всей полноты психоаналитической конструкции, поскольку проблема Сверх-Я там не решена в той степени, в какой это необходимо для теории сновидений. Ведь верхняя инстанция психической реальности, связанная с высшими архетипами, играет здесь центральную роль.

Третий предел — редукция сновидения к реализации желания. Именно она делает фрейдовскую модель слишком ограниченной для СновЕдения. Если сон — только замаскированная реализация подавленного желания, то он оказывается вторичным по отношению к имеющемуся конфликту. Но если сон способен не только скрывать, но и предвос-

хищать, не только выражать, но и предупреждать, не только маскировать, но и приоткрывать Будущее, тогда формулы Фрейда явно недостаточно.

И, наконец, четвёртый предел — перенос. Фрейд гениально понял перенос в аналитической работе, но не довёл до конца вопрос о том, как перенос действует в материале самих сновидений. Для СновЕдения это упущение недопустимо, как и для всего психоанализа.

2.6. Парадигма исполнения желания: её сила

При всём этом нельзя недооценивать внутреннюю мощь фрейдовской парадигмы. Формула «сновидение как замаскированная реализация подавленного желания» организует весь фрейдовский подход к сновидениям. Это не случайный тезис, а центр его модели.

Почему эта парадигма оказалась столь влиятельной? Потому что она впервые наделила сновидение законом. Сон перестал быть хаосом. Он перестал быть лишь мистическим сообщением, которым можно пользоваться произвольно. Он перестал быть бессодержательной ночной активностью. Он стал подчиняться правилу. И хотя мы сегодня считаем это правило слишком узким, всё же именно оно впервые навело в области сновидений подобие теоретического порядка.

Парадигма желания была велика и потому, что она связала сон с внутренним конфликтом. Даже если сегодня мы говорим о большем — о Самости, о высших архетипах, о переносе Будущего в сновидении, — мы всё равно должны признать: Фрейд первым привязал сновидение к драме внутренней жизни. Он запретил психологу обращаться со сновидением как со случайной картинкой.

Фрейдовская модель была сильна. Настолько сильна, что на её фоне стали видимы и её ограничения. Слабая теория

не задаёт исторического горизонта. Фрейдовская — задала.

2.7. Парадигма исполнения желания: её предел

Но именно потому, что парадигма желания так сильна, её ограниченность оказывается особенно заметной. Она многое подчиняет одному объяснительному принципу. Всё, что не укладывается в логику подавленного желания и его замаскированного исполнения, оказывается либо насильно притянутым к этой схеме, либо признаётся частным случаем, либо оставляется без достаточного внимания.

Если держаться только фрейдовской формулы, сновидение чуть ли не обесценивается. Оно становится либо исполнением желания, либо попыткой такого исполнения, либо архивом инфантильного, либо маскировкой вытесненного. Но при таком подходе невозможен вопрос о жизни и судьбе человека. Так называемые бессознательные мысли, которые Фрейд извлекает из некоторых снов, нередко поражают своей пустотой: они не отвечают на вопрос о том, что сновидение говорит о человеке в целом, о его продвижении, о жизни и Будущем сновидца.

Если сон лишь выражает скрытую мысль, но эта мысль не затрагивает судьбу, то такая интерпретация действительно бедна. Она открывает психические механизмы, но не показывает перспективы. Она даёт причинность, но не показывает возможное Будущее. Она распутывает, но не поднимает.

Здесь СновЕдение начинает расходиться с Фрейдом по-настоящему. Ведь сновидение связано не только с вытесненным желанием, но и с Будущим. Сон нельзя удерживать исключительно в логике регресса.

2.8. Фрейд между феноменологией и метапсихологией

Фрейд часто оказывается сильнее в описании феноменов, чем в окончательной теоретической сборке. Он наблюдает гениально, но не всегда доводит наблюдаемое до конструкции, которая могла бы удержать всё поле.

В «Толковании сновидений» прекрасно изложен феномен сна, но не создана подлинная метапсихология сновидения. Фрейд одновременно и велик, и незавершён.

Его описания сгущения, смещения, символической переработки, вторичной обработки и всего того, что принято называть сновидческой работой, остаются бесценными как феноменология. Но как только мы спрашиваем: ради чего вообще мы видим сновидения? — фрейдовская модель начинает давать сбои.

Нам нужно сделать более тонкий ход: признать величие фрейдовского наблюдения и перестроить его итоговый подход к сновидениям. Нам не нужно выбрасывать феноменологию ради новой теории. Нам нужно отыскать новую линию смысла.

2.9. Почему психоанализ не довёл дело Фрейда до конца

За сто с лишним лет психоаналитики так и не дополнили «Толкование сновидений» полноценной метапсихологией. В результате сегодня мы по-прежнему имеем в распоряжении великое начало, но только не завершённую науку о сновидениях.

Почему так произошло? Во-первых, потому что психоанализ слишком часто превращал Фрейда в памятник. А памятник нельзя ворошить, его можно только охранять. Мир продолжает принимать многие фрейдовские формулы за чистую монету, хотя созданная Фрейдом динамическая наука (психоанализ) не может застывать.

Во-вторых, психоанализ унаследовал от Фрейда амбивалентность его отношения к сновидению. С одной стороны, сон — царская дорога. С другой — он слишком часто сводится к механизму, к желанию, к регрессии, к пустоватой скрытой мысли. Такое наследие само по себе провоцирует раздвоение.

В-третьих, метапсихология вообще оказалась исторически трудной областью. А если метапсихология слабеет, то неизбежно снижается и теория сна.

И, наконец, в-четвёртых, психоанализ слишком часто удовлетворялся техникой. Сон же требует не только техники, но

и целостной карты психической реальности. Без неё он снова распадается на школы, вкусы, стили, предпочтения интерпретаторов.

2.10. Что у Фрейда следует сохранить

Теперь можно спросить точнее: что именно из Фрейда должно быть сохранено в качестве фундамента для СновЕдения?

Прежде всего — серьёзность отношения к сновидению. После Фрейда невозможно относиться ко сну как к пустяку.

Затем — признание, что сон требует интерпретации. Он говорит не прямо.

Далее — идея, что у сна есть работа, то есть внутренний порядок формирования сценария, а не просто хаотическая смена впечатлений.

Далее — признание связи сна с внутренними конфликтами и жизнью субъекта.

И, наконец, — сама метапсихологическая установка. Фрейд требует рассматривать психические процессы в специфическом контексте: структурно, динамически и экономически (энергетически). Даже если не все эти принципы он последовательно применял к сновидению, установка Фрейда остаётся образцовой.

Вот что у Фрейда фундаментально: не окончательные формулы, а уровень строгости, на который он поднял материал сновидений.

2.11. Что у Фрейда должно быть модифицировано

Но для нашей книги этого мало. Нам нужна ясность и в том, что должно быть модифицировано.

Во-первых, должна быть изменена общая функция сна. Сон не может быть сведён только к замаскированной реализации подавленного желания. Он должен быть понят и как событие, связанное с судьбой и Будущим.

Во-вторых, должна быть перестроена карта психической реальности. Для СновЕдения сон невозможно понять без архетипов Оно, значимых объектов, Самости и Души в сфере Я, высших архетипов Сверх-Я, как единой конструкции.

В-третьих, должен быть введён перенос в сновидении. Это не факультативная поправка, а принципиальный шаг.

В-четвёртых, необходимо вернуть ценность Будущего. Сон нельзя удерживать только в логике инфантильного возврата прежних переживаний.

И, наконец, в-пятых, необходимо изменить сам статус сновидения. Для Фрейда сон слишком часто остаётся королевской дорогой к Бессознательному. Но это явно недостаточно. Ведь сновидение является диалогом Самости с высшими архетипами и формой переноса Будущего в материале сновидения.

2.12. Почему критика Фрейда не есть отказ от Фрейда

У этой главы есть ещё одна важная задача: снять ложное впечатление, будто критиковать Фрейда означает его отвержение. На самом деле всё прямо наоборот. Отвергают обычно тогда, когда больше не хотят думать. А модифицируют идеи тогда, когда продолжают серьёзно работать с предшественником.

Психоанализ — наука динамическая. Следовательно, она не может принять за окончательную форму всё, что было сказано больше ста лет назад. Живой Фрейд, если мыслить его как исследователя, а не как статую, должен бы заинтересоваться диалогом с собой и продолжением развития его идей!

Поэтому правильная позиция по отношению к Фрейду такова: он не враг СновЕдения, а его явный предшественник. Его нельзя обойти. Но нельзя и остановиться на нём. Без Фрейда нельзя начать, но и застыть на нём нельзя — эта формула оказывается самой точной.

Фрейд открыл слишком многое, чтобы не оставить после себя незавершённое; поэтому не боимся продвигаться дальше в соответствии с принципом «Вперёд к Фрейду!».

2.13. Фрейд и личное измерение его открытия

Есть ещё один аспект, на который стоит обратить внимание. Фрейд открыл сновидение не в пустоте и не только как теоретик. Интерес Фрейда к снам связан и с его собственной внутренней драмой, с кризисом, с переживанием смерти, с отношением к отцу, с необходимостью разобраться в самом себе. Фрейд был не холодным регистратором сновидений, а человеком, которого они коснулись непосредственно.

Это обстоятельство помогает понять и силу, и ограничение его книги. С одной стороны, благодаря личной вовлечённости он увидел в сновидении подлинный материал, а не курьёз. С другой — эта же вовлечённость могла заставлять его снова и снова обращаться сон к тем конфликтам, которые были ему наиболее доступны: к желанию, вытеснению, Эдиповой драме, инфантильному материалу, авторитетам, отцовской фигуре.

Для нашей книги этот биографический аспект важен как методический урок. Великие открытия часто вырастают из личной драмы исследователя. Но именно поэтому они нуждаются в дальнейшем обезличивании, в теоретической переработке, в переводе из личного опыта в строгую науку. Фрейд открыл многое потому, что был ранен своими снами и переживаниями.

В этом смысле Фрейд остаётся не только учителем, но и примером вовлечённости судьбы первооткрывателя в создаваемые идеи и теорию. Тот, кто открывает материк, почти неизбежно сначала видит его через собственную биографию. Следующее поколение обязано увидеть этот материк шире, спокойнее и точнее.

2.14. Почему СновЕдение должно пройти «через Фрейда»

СновЕдение должно строиться на базе идей Фрейда, в том числе на его модели структуры психики, состоящей из трёх сфер. Это нужно для сохранения исторической глубины.

Идти через Фрейда — значит принять от него то, без чего работа со сновидением невозможна: серьёзность, дисциплину интерпретации, уважение к скрытой структуре, убеждённость, что психика не исчерпывается видимым. Но идти через Фрейда — значит продвигаться дальше. Иначе мы предадим не его, а его исследовательский импульс.

Поэтому СновЕдение относится к Фрейду: благодарно, принимая и свободно. Благодарно — потому что без него нет материка сновидения как науки. Принимая — потому что недостаточно просто восхищаться. Свободно — потому что только свобода позволяет продолжать развивать его идеи, а не охранять.

Эта тройная установка — благодарность, принятие и свобода — и должна стать итогом главы. Если читатель после неё почувствует одновременно благодарность к Фрейду и необходимость продвигаться дальше, значит задача главы выполнена. А вот если читатель почувствует только преклонение или только раздражение, значит глава не удалась.

Именно поэтому Фрейд в этой книге находится в особом

положении. Он не просто один из авторов первой части. Он — необходимое начало, которое только и делает возможным СновЕдение как самостоятельную научную систему.

2.15. Что именно меняется, когда в сон вводится Будущее

Решающий шаг, который отличает СновЕдение от фрейд-довской теории сна, заключается не просто в добавлении нового слова. Меняется сама оптика. Пока сновидение рассматривается как возвращение вытесненного, центральной линией интерпретации остаётся Прошлое. Тогда мы спрашиваем: откуда это взялось, что было подавлено, какая ранняя сцена возвращается, какое желание было запрещено и потому вынуждено искать обходной путь. Но как только в понимание сновидения вводится Будущее, сразу меняется и тип вопросов. Тогда мы спрашиваем не только, откуда пришёл сновидческий материал, но и куда он ведёт, о чём предупреждает, какую мини-судьбу показывает, к какому узлу жизни подводит.

Именно здесь становится особенно заметно, что Фрейд открыл материк, но не дошёл до его верхних плато. Он великолепно видел глубину Прошлого, но значительно хуже — вертикаль Будущего. Между тем для системы СновЕдения сон именно потому и ценен, что показывает не просто впечатления прожитого, а направление возможного Будущего. В этом смысле СновЕдение не уничтожает Фрейда, а поднимает вопрос, который Фрейд только обозначил силой самого материала, но не сумел довести до окончательной форму-

лировки. Если сон так важен, как полагал Фрейд, то он не может ограничиваться архивом подавленного. Он обязан затрагивать и то, чем человек ещё не стал, но к чему уже движется.

2.16. Итог: Фрейд как необходимое начало СновЕдения

Итак, место Фрейда в этой книге определено точно. Он не является автором готовой науки о сновидении. Но он и не просто один из исторических предшественников. Его положение особое. Он — тот, кто впервые заставил психологию отнестись к сновидению серьёзно. Он — тот, кто сделал сновидение предметом исследования, а не только удивления. Он — тот, кто научил искать скрытую конструкцию за явной сновидческой сценой. И в этом смысле без него невозможна никакая зрелая теория сновидений.

Но именно потому, что его вклад велик, ограничиваться им нельзя. Прежде всего это касается следующего: парадигма исполнения желаний, неполная карта психики, слабая разработка Сверх-Я, отсутствие полноценной метапсихологии сна, недостаточное внимание к переносу в сновидении и почти полное отсутствие Будущего как центрального измерения сновидения — всё это делает необходимым следующий шаг. И этот шаг должна сделать наша книга.

Поэтому читатель должен выйти из этой главы с двойным чувством. С одной стороны — с признанием подлинного величия Фрейда. С другой — с ясным пониманием, что подлинная верность Фрейду состоит не в повторении его идей, а в продолжении его поисков. В этом и заключается смысл

второй главы. Она не завершает разговор о Фрейде, а переводит его в движение. Она показывает, почему Фрейд должен остаться в фундаменте СновЕдения и почему этот фундамент требует надстройки. Перед нами открывается путь к метапсихологии СновЕдения.

Но как только открытый Фрейдом материк сновидений получает право на самостоятельное исследование, возникает следующий вопрос. Если сон нельзя считать пустой случайностью и если за его явным содержанием скрывается внутренняя работа психики, то исчерпывается ли эта работа исключительно логикой желания?

Именно с этого вопроса и начинается Юнг. Он принимает у Фрейда серьёзность отношения к сновидению, но переводит разговор в новую плоскость: сон становится не только дорогой к Бессознательному, но и внутренней драмой сновидца.

2.17. Переход к Юнгу

Когда масштаб фрейдовского открытия и ограничения его модели становятся видны, тогда естественно возникает следующий шаг. После Фрейда становится возможен другой путь — путь, в котором сновидение не только выражает желание, но всё сильнее становится пространством внутренней драмы, символической работы, театра внутри сновидца. Этим путём пойдёт Юнг.

Но идти к Юнгу можно только через Фрейда. Иначе Юнг превратится просто в «альтернативу», а не в исторически понятное продолжение и отклонение. Поэтому эта глава и необходима. Она должна очистить место для следующего шага, не разрушая основания.

Фрейд открыл материк сновидений. Он заставил психологию признать, что сон наделён смыслом. Он научил видеть за явным материалом скрытую конструкцию. Он положил начало серьёзному разговору о сновидениях. За это Фрейду принадлежит место в фундаменте любой глубинной психологии.

Но он не создал завершённой науки о сновидении. Его парадигма исполнения желаний оказалась слишком узкой, его карта психической реальности — недостаточно интегрированной, его теория сновидений — слишком мало ориентированной на Будущее и не учитывающей перенос в сновиде-

нии. Поэтому задача СновЕдения — не отвергнуть Фрейда, а продолжить его идеи.

Глава 3. Юнг: когда сон становится драмой души

3.1. Почему после Фрейда неизбежно приходит Юнг

После Фрейда сновидение уже нельзя считать пустяком. Его уже нельзя свести ни к капризу ночи, ни к бессмысленной игре образов, ни к случайным нарушениям мозговой деятельности. Фрейд сделал решающее: он открыл материк сновидений. Он показал, что сон заслуживает серьёзного внимания, что в нём есть смысл, работа, напряжение, скрытая логика. Но почти сразу после этого открытия возникает новый вопрос. Достаточно ли понимать сон как шифр желания? Достаточно ли видеть в нём только обходной путь для вытесненного? Достаточно ли возвращать всё увиденное во сне исключительно к впечатлениям и переживаниям Прошлого?

Именно здесь возникает Юнг.

Юнг важен не потому, что он “второй великий автор” после Фрейда. И не потому, что он создал ещё одну школу, ещё одну систему терминов и ещё один набор красивых слов, которыми можно произвести впечатление на начинающих пси-

хологов. Юнг важен потому, что он меняет само пространство вопроса. После него сон уже нельзя понимать только как впечатления дня или только как симптом. Сон начинает жить по своим внутренним законам. Как отклик-ответ. Как возражение. Как попытка души сказать человеку то, чего его сознание не хочет слышать.

Это тот момент, когда разговор о сновидении становится по-настоящему трудным.

Пока мы остаёмся только в пределах фрейдовского языка, нам ещё кажется, что сон можно расшифровать, как тайное письмо. Нужно лишь найти скрытый смысл, восстановить цепочку вытеснения, понять, какая сила ищет выход. Но Юнг усложняет эту картину. Он заставляет допустить, что во сне действуют не только впечатления Прошлого, но и живая глубина психики, которая не совпадает с сознательным Я. Более того: эта глубина не только сохраняет впечатления, но и работает, поправляет, уравнивает, иногда предупреждает, иногда унижает, иногда поддерживает, а иногда отнимает у человека его любимые самообманы.

Поэтому после Фрейда Юнг приходит не как украшение курса, а как необходимость.

Если Фрейд научил нас не доверять переживаемому сновидению, то Юнг научил нас проникать в сновидение.

3.2. В чём главный поворот Юнга

Главный поворот, который совершает Юнг, можно выразить очень просто. У Фрейда вопрос о сне часто обращён назад: откуда это пришло? Какое желание здесь прорывается? Какой вытесненный материал пробил себе дорогу? Какое Прошлое не отпускает человека и продолжает воздействовать ночью? Этот вопрос велик, и без него понимание сновидения обеднеет. Но Юнг добавляет к нему другой, не менее важный вопрос: зачем этот сон пришёл именно сейчас? Это очень серьёзное смещение.

Фрейд прежде всего ищет происхождение. Юнг ищет ещё и функцию. Для него сон — не просто впечатление от конфликта, а актуальное действие Бессознательного по отношению к сознательной позиции человека. Иначе говоря, сон не только показывает, что в человеке было, но и вмешивается в то, чем человек становится. Он не только напоминает, но и корректирует. Не только вскрывает, но и перестраивает внутренний баланс.

Именно поэтому юнговское прочтение сна почти всегда связано с тем, что человек делает со своей жизнью здесь и сейчас.

Если человек слишком уверен в себе, сон может принести ему унижение. Если человек живёт только разумом, сон может затопить его чувством. Если человек оцепенел в стра-

хе, сон может показать ему образ движения. Если человек ослеплён ложной правотой, сон может поставить перед ним фигуру, которую он презирает, но которая несёт в себе забытый кусок его собственной правды.

Юнг, конечно, не отменяет конфликта. Он не превращает сон в добрую сказку о самораскрытии. Напротив, он делает конфликт ещё глубже. Но теперь конфликт нельзя понимать только как столкновение между запретом и желанием, между вытеснением и прорывом. Конфликт становится внутренней драмой между сознательной установкой человека и тем, что Бессознательное пытается ей противопоставить.

Это значит, что сон у Юнга не дублирует дневную жизнь. Он спорит с ней.

Здесь и начинается подлинная трудность юнговского мышления. Человеку хочется считать, что он (точнее, его сознательное Я) знает, чего он хочет, куда идёт и что с ним происходит. Но юнговское понимание сновидения ставит под сомнение самодовольство. Оно требует признать, что человек может жить слишком узко, слишком жёстко, слишком гордо, слишком бедно внутренне — и что именно сон нередко первым показывает односторонность.

Так сон перестаёт быть только “шифром” и становится драмой сновидца.

3.3. Почему Юнга трудно читать

При всей своей гениальности и силе Юнг — трудный автор. Было бы нечестно делать вид, будто Юнг всегда ясен, компактен и прост. Он часто пишет, как мыслитель, увлечённый не только клиникой, но и мифологией, религией, алхимией, символикой культур, историей образов и большими духовными параллелями. Для одних читателей именно это делает его великим. Для других именно это делает его опасным.

Опасным — не в моральном, а в методологическом смысле.

Юнг легко соблазняет. Его языком хочется говорить раньше, чем удалось понять. Его термины хочется употреблять там, где ещё не разобран самый простой человеческий конфликт. Слишком быстро начинает казаться, что любой яркий образ — уже Архетип, любая отягчающая фигура — уже Тень, любое движение внутрь — уже Индивидуация, а любая сильная эмоция — уже знак глубокой Самости. Но именно здесь начинается интеллектуальная путаница. Человек перестаёт видеть живую психику и начинает слышать только свои красивые слова о ней.

Поэтому Юнга нужно читать с умом и дисциплиной.

Его нельзя брать целиком, без отбора. Нужно очень чётко различать, где он даёт реальный инструмент для понимания

сна, а где увлекается расширением материала до такой степени, что конкретный человек начинает тонуть в бескрайнем символическом море. Иначе говоря, у Юнга нужно брать не всё, а главное.

3.4. А главное у него действительно велико:

Велико его требование учитывать жизненную ситуацию сновидца.

Велико его понимание сна как ответа Бессознательного на односторонность сознания.

Велико его различение между внешним и внутренним уровнями образа.

Велико его признание того, что человек никогда не равен своему дневному Я.

Но всё это требует трезвости.

Если Фрейда можно иногда упрекнуть в чрезмерной логичности и строгости, то Юнга — в чрезмерной широте. Если у Фрейда есть риск свести сон к слишком узкой схеме, то у Юнга есть риск растворить его в слишком большом символическом пространстве. Поэтому читать Юнга — значит не восторгаться им непрерывно, а постоянно удерживать двойную задачу: не потерять глубину и не потерять человека.

Именно так мы и будем к нему подходить.

3.5. Сознательная ситуация сновидца

Первая большая сила Юнга состоит в том, что он не позволяет толковать сон в пустоте. Сон нельзя рассматривать вне конкретной жизни сновидца. Нельзя толковать образ отдельно от жизненной сцены, в которой этот образ возник. Нельзя брать фигуру сна и немедленно приклеивать к ней общее значение, как будто перед нами не живая психика, а школьный символический словарь.

Юнг требует учитывать сознательную ситуацию сновидца. Это значит: нужно понимать, где конкретно человек находится в своей жизни, что он считает решённым, чего боится, о чём умалчивает, где переоценивает себя, где страдает, где лжёт себе, где устал, где держится за устаревшую форму жизни, где потерял чувство пути. Только на этом фоне сон начинает открываться как настоящее сообщение. Без этого фона он легко превращается либо в произвольную фантазию толкователя, либо в салонную игру разгадки символов.

Здесь Юнг удивительно современен.

Потому что и сегодня люди больше всего ошибаются именно в отношении к собственной сознательной позиции. Они или переоценивают степень своей свободы, или недооценивают силу своего внутреннего конфликта. Они слишком быстро говорят: “я уже это пережил”, “мне это давно безразлично”, “я принял решение”, “я отпустил”, “я перерос

это”, “я больше не боюсь”. Но сон очень часто отвечает иначе. И тогда оказывается, что сознательное Я рассказало одну историю, а Бессознательное — другую.

Представим самый простой пример. Человек уверяет, что спокойно завершил важные отношения. Он говорит ровно, разумно, без аффекта. Он даже слегка гордится своей собранностью. Но ему снится дом, из которого он никак не может выйти. Или поезд, на который он не решается сесть. Или комната, где остались вещи того, с кем он уже будто бы расстался. Сон не повторяет его дневную версию. Сон исправляет её. Он показывает, что завершение отношений произошло только на словах, но не в глубине переживания.

Именно поэтому для Юнга вопрос о сознательной ситуации — не подготовительное упражнение, а начало всякого серьёзного толкования.

Если мы не знаем, чем человек живёт, мы не поймём, что именно в нём компенсирует сон.

Если мы не знаем, в чём человек уверен, мы не поймём, с чем спорит Бессознательное.

Если мы не знаем, где человек односторонен, мы не поймём, какое движение совершает его внутренняя жизнь ночью.

Это особенно важно ещё и потому, что сознание почти всегда стремится представить себя в выигрышном свете. Оно хочет быть последовательным, зрелым, разумным, оправданным. Оно наделено чрезмерным нарцизмом. И в этом смыс-

ле сознательная позиция человека почти никогда не бывает прозрачной. Она нуждается в поправке. Не всегда грубой. Не всегда унижительной. Но почти всегда необходимой.

Юнг первым с подлинной ясностью показал, что сон — один из главных инструментов такой поправки.

Поэтому толкование сна должно начинаться не со слова “символ”, а со слова “ситуация”.

3.6. Ассоциации: почему сон нельзя толковать без голоса сновидца

Но даже знания сознательной ситуации недостаточно. Можно прекрасно понимать, в каком жизненном положении находится человек, можно видеть его конфликт, его тревогу, его усталость, его надежду, и всё же ошибиться в самом простом. Ошибиться в том, что значит для сновидца тот или иной образ. Именно поэтому Юнг придавал большое значение ассоциациям сновидца. Сон требует не только знания сознательной ситуации, но и учёта ассоциаций сновидца.

Это одно из самых здравых и самых недооценённых правил работы со сновидением. Пока мы не услышали, что сновидец связывает с увиденным им образом, образ остаётся малопонятным. Мы можем восхищаться его символической красотой, мы можем быстро подобрать к нему культурную, мифологическую или религиозную параллель, но всё это ещё не даёт нам права думать, что мы поняли сон. Сон принадлежит не толкователю. Сон принадлежит внутренней жизни, которая проявилась у сновидца.

Одна и та же вода для разных людей означает разное. Для одного — очищение. Для другого — ужас потери опоры. Для третьего — детскую радость. Для четвёртого — опасность захлебнуться. То же самое относится к дому, лесу, лестнице, ребёнку, собаке, окну, поездке, болезни, ночной дороге.

У каждого образа есть культурная память, но есть и личная память. И пока мы не восстановили личную ткань переживаний, мы имеем дело не с пониманием, а с гаданием.

Юнг здесь особенно ценен тем, что удерживает двойную верность. Он не разрушает символ до уровня случайной ассоциации. Но и не позволяет символу оторваться от жизни человека. Он как будто говорит: да, у образа есть глубина, но эта глубина раскрывается только тогда, когда образ проходит через голос сновидца. Не через сонник, а через живую связь.

Поэтому серьёзное толкование начинается с вопроса: что это значит для вас? Не для мифологии, не для древних культур, не для учителя, не для психоаналитической традиции, а именно для вас. Когда вы слышите это слово, когда вы видите этот предмет, когда вы вспоминаете эту фигуру, что поднимается лично в вас? Где это уже было? Чего это касается? Что здесь вызывает напряжение? Что отталкивает? Что притягивает?

Эти вопросы кажутся простыми, но именно они возвращают сновидение из мира произвола “символики” в мир психической реальности. Там, где их нет, начинаются злоупотребления. Там толкователь слишком быстро становится хозяином чужого сна. Он перестаёт слушать и начинает навязывать. Он уже не пытается понять, а распоряжается. И вот здесь Юнг оказывается удивительно трезвым. Он возвращает нас к тому, что сон не существует отдельно от своего носителя.

Особенно важно это и потому, что ассоциации нередко обнаруживают то, что сознание ещё не готово признать прямо. Человек может упорно утверждать, что “ничего особенного” с ним не происходит, но его ассоциативный ряд тут же обнаруживает напряжение. Стоит только спросить, с чем у сновидца связан этот дом, этот путь, эта старая женщина, этот ребёнок, эта комната, и внезапно открывается совсем другой слой переживаний. Ассоциации часто говорят правду раньше, чем её готово признать сознательное Я.

И всё же здесь нужна мера. Нельзя превращать ассоциации в бесконечное блуждание. Важно уловить связи, в которых сгущается аффект, где появляется внутренний узел, где образ сна начинает резонировать с тем, что реально живёт в человеке. Юнг нужен именно для этого: не для хаотического кружения вокруг образа, а для точного восстановления его внутреннего поля.

Так мы подходим к следующему решающему шагу. Если сознательная ситуация и ассоциации восстановлены, становится возможным понять, что именно делает сон. Не только что он показывает, но и какую работу совершает.

3.7. Компенсаторная функция сновидений

Здесь мы выходим, вероятно, к самой сильной юнговской идее в области сновидений. Сон не просто изображает. Сон компенсирует. Он не повторяет дневную жизнь, а откликается на неё. Он не дублирует сознание, а вносит в него недостающий элемент. Сновидение вводит аспект, которого сознательное Я прежде не замечало, и благодаря этому обладает более широким углом зрения, чем ограниченная дневная позиция человека.

Это, пожалуй, один из тех моментов, где сон впервые начинает выглядеть не как слабость психики, а как её внутренняя сила. Человек слишком часто живёт односторонне. Он привыкает считать, что дневные представления и мысли и есть вся правда. Он верит своему разуму, своим решениям, своим оценкам, своим обидам, своему нарцизму, своему страху, своей уверенности, своему отвращению, своей правоте. Но вот приходит сон и вносит трещину в самодовольство.

Если человек чрезмерно рационален, сон привносит абсурд, темноту, неуправляемый символ.

Если человек переполнен гордостью, сон ставит его в положение слабого, потерянного, обнажённого.

Если человек отрезан от чувств, сон возвращает ему плач,

тоску, ребёнка, животное, воду, ночь, прикосновение.

Если человек слишком застрял в пассивности, сон может продемонстрировать удар, погоню, катастрофу, требование движения.

В этом смысле Бессознательное у Юнга не является просто складом вытесненного. Оно работает. Оно реагирует. Оно отвечает сознанию не потому, что хочет его уничтожить, а потому, что хочет вывести его из односторонности. Это очень важная мысль. Сон не обязательно “утешает” человека. Нередко он делает прямо противоположное: лишает его удобной иллюзии. Но и в этом проявляется не разрушение ради разрушения, а внутренняя необходимость восстановить равновесие.

Поэтому человек часто любит одни свои сны и не выносит другие. Те сны, которые совпадают с его дневным желанием, кажутся ему “хорошими”, “глубокими”, “истинными”. А те, которые спорят с ним, наоборот, кажутся “тревожными”, “неприятными”, “странными”, “тяжёлыми”. Но именно вторые нередко оказываются более ценными. Они вмешиваются туда, где сознание закрылось от принятия реальности и развития.

Отсюда вытекает и другое важное следствие. Сон нельзя понимать только как отзеркаливание. Он не пассивно отражает. Он активен. Он выстраивает противоположность, дополнение, поправку. Он вводит в поле переживания то, чего в нём недостаёт. И именно поэтому толкователь должен

спрашивать не только: о чём этот образ? но и: какую одно-сторонность он компенсирует? чему он возражает? что он привносит такого, чего сознание избегает?

Здесь у Юнга появляется глубоко терапевтическая интуиция. Человек страдает не только от того, что в нём есть конфликт, но и от того, что его сознание слишком ограничено для разрешения этого конфликта. Сон расширяет поле. Иногда через ужас. Иногда через стыд. Иногда через странный символ. Иногда через смешной, почти нелепый поворот. Но в любом случае сон работает на то, чтобы односторонность не стала судьбой.

Именно в этом месте сон впервые оказывается связан не только со страданием, но и с возможностью внутреннего роста. Сон не гарантирует роста. Он не делает человека автоматически мудрым. Но он открывает возможность перемен. Он делает то, чего дневное Я почти никогда не делает добровольно: показывает, что Я далеко не всё, что оно не центр мира, что у него есть оппонент — тихий, настойчивый, образный, часто неприятный, но внутренне необходимый.

Так мы подходим к ещё одному решающему юнговскому инструменту. Если сон действительно отвечает сознанию, то на каком уровне он это делает? Он говорит о реальных людях вокруг нас или о частях нас самих? Здесь и возникает различие двух ступеней понимания сновидений.

3.8. Объект-ступень и субъект-ступень

Одним из самых плодотворных вкладов Юнга в работу со сновидениями стало различие между объект-ступенью и субъект-ступенью: объект-ступень даёт анализ, субъект-ступень — синтез, причём нельзя позволить одной полностью заменить другую.

На объект-ступени фигуры сна понимаются как реальные люди, реальные отношения и реальные обстоятельства жизни. Если человеку снится отец, это может касаться отца. Если снится начальник, это может касаться начальника. Если снится дом детства, это может касаться действительной связи с детством, семьёй, Прошлым, наследием, зависимостью или утратой. Здесь сон ещё обращён вовне, к значимым объектам, с которыми человек тесно связан.

На субъект-ступени всё меняется. Здесь фигуры сна понимаются не как реальные люди, а как части самого сновидца. Отец может оказаться его собственной внутренней инстанцией закона, строгости, власти или жёстких требований. Начальник — частью его жажды контроля или страха оценки. Ребёнок — его беспомощной, творческой, уязвимой или заброшенной частью. Женщина во сне мужчины — его внутренней душевной частью, чувствительностью или, напротив, соблазняющей иллюзией. Иными словами, субъект-ступень

заставляет увидеть: то, что я ранее считал “другим”, может быть мной самим.

Это различие чрезвычайно важно. Без него толкование сна остаётся либо слишком внешним, либо слишком произвольным. Если мы вообще не выходим за пределы объект-ступени, мы рискуем превратить сон в рассказ о знакомых людях и не заметить, что главная драма сна разворачивается внутри сновидца. Но если мы слишком быстро отказываемся от объект-ступени и всё переводим на внутренний контекст, мы рискуем утратить реальную жизненную ситуацию. Тогда исчезает конкретный отец, конкретная мать, конкретная любовная связь, конкретный конфликт, конкретная травма, и остаётся только красивое самосозерцание.

Именно поэтому Юнг важен в своей двойственности. Он не говорит: забудьте внешний мир. Он говорит: не останавливайтесь на нём. Объект-ступень нужна, потому что человек живёт среди других. Но и субъект-ступень необходима, потому что ни один внешний конфликт не может быть понят до конца, пока мы не увидели, как он разворачивается внутри самого человека.

Простейший пример показывает это лучше всяких определений. Допустим, женщине снится властный, холодный отец. На объект-ступени речь может идти об отношении к реальному отцу или мужчине, занявшему его место в судьбе сновидицы. Но на субъект-ступени этот же образ может обозначать её собственный внутренний способ обращаться

с собой: строго, безжалостно, оценочно, лишая себя тепла и мягкости. Если мы сконцентрируемся только на одном уровне, смысл сна обеднеет. Если удержим оба, сон станет многомерным.

В этом и состоит юнговская зрелость. Сон не сводится ни к буквальному, ни к исключительно внутреннему. Он двоятся. Он как будто движется между внешней и внутренней сценами. Он может начинаться с конкретного лица, а приводить к внутренней сцене. Он может начинаться с реального конфликта, а завершаться встречей с частью своей души.

Но здесь же скрыт и риск. Субъект-ступень очень соблазнительна. Она создаёт ощущение особой глубины. Толкователю приятно быстро сказать, что “все фигуры сна — это вы сами”. Иногда это действительно открывает внутренний смысл. Но иногда это становится ничего не значащей универсальной формулой. Она удобна, красива, но груба. Она заслоняет реальную жизнь человека. Именно поэтому различение ступеней нельзя превращать в схему-отмычку. Различение 2 ступеней нужно удерживать как напряжение.

Объект-ступень напоминает нам о том, что человек не существует в пустоте.

Субъект-ступень напоминает нам о том, что никакой внешний конфликт не живёт вне внутреннего мира.

Лишь вместе они дают сновидению глубину, которая интегрирует связи с жизнью.

И когда это различение усвоено, перед нами возникает

крупный юнговский вопрос. Если фигуры сна могут быть частями сновидца, то что именно в нём они выражают? Что появляется в этих образах как отвергнутое, вытесненное, непризнанное, униженное, чужое — и в то же время своё? Здесь мы подходим к одному из самых известных и самых плодотворных юнговских понятий — к Тени.

3.9. Тень: то, что человек не хочет признать своим

Здесь Юнг становится неудобным. Пока мы говорим о компенсации, о сознательной ситуации, об объект-ступени и субъект-ступени, ещё можно сохранять иллюзию, что речь идёт о тонкой психологической настройке, о более глубоком понимании себя, об изящной внутренней работе. Но понятие Тени разрушает эту вежливую дистанцию. Оно требует от человека не просто наблюдать за своей душой, а столкнуться с тем, что он из неё изгнал.

Тень — это не только “плохое” в банальном моральном смысле. Это всё то, что сознательное Я не хочет считать собой. Агрессия, зависть, слабость, зависимость, трусость, желание власти, желание унижить, потребность в восхищении, бессилие, стыд, мстительность — всё это, конечно, может входить в Тень. Но в неё входят и те стороны, которые человек отверг не потому, что они дурны, а потому, что они не вписались в его образ себя. Нежность у жёсткого человека. Сила у покорного. Право на гнев у вечно “доброго”. Право на наслаждение у чрезмерно правильного. Право на талант у того, кто привык считать себя посредственным и бездарным.

В этом и заключается глубина юнговского открытия. Тень — это не склад нравственного мусора. Это область изгнанного. Всё, что не получило права на существование в днев-

ном образе Я, начинает искать иные пути. Оно прорывается в оговорке, в аффекте, в отношении к другому человеку, в странном выборе, в симптоме, и, конечно, в сновидении.

Поэтому образы Тени во сне почти всегда обладают особой силой. Они неприятны, неловки, пугают и отталкивают. Это может быть уродливый человек, преследователь, грязное животное, преступник, назойливая женщина, безумец, старик, проститутка, брошенный ребёнок, раненое существо, тёмная комната, чужой дом, что-то липкое, постыдное, враждебное. Но главный вопрос не в том, насколько отвратителен образ. Главный вопрос — почему он вызывает сильное внутреннее отвращение.

Юнг заставляет задать неприятный вопрос: а не моё ли это? Не я ли сам отверг эту часть настолько решительно, что теперь могу встретить её только во внешнем, чужом, опасном виде? Не потому ли она страшна, что слишком близка? Не потому ли так хочется назвать её “чужой”, что именно это и есть моя вытесненная суть?

Очень важно не свести Тень к простой схеме. Было бы слишком удобно сказать: всё дурное во сне — Тень. Но Тень выявляется не по признаку уродства, а по признаку чуждости. Важен не образ, а отношение к нему. То, что сознательное Я не может включить в приемлемый для себя образ, становится материалом для Тени.

И в этом смысле Тень всегда связана с чрезмерным нарцизмом. нарцизм хочет сохранить цельный, выигрышный,

приемлемый, удачливый образ себя. Он хочет быть или сильным, или добрым, или умным, или страдающим, или справедливым, или исключительным. Всё, что не вписывается в созданный нами приемлемый образ, отбрасывается в сторону. Но Бессознательное никакой цензуре не подчиняется. Оно продолжает хранить отвергнутое и возвращает его человеку в сновидениях. Так юнговская работа со сновидением становится не утешением, а школой внутренней правды и принятия.

Поэтому встреча с Тенью — один из самых мучительных и самых плодотворных моментов в анализе сна. Человек начинает понимать, что его враг не всегда снаружи. Что его раздражение по отношению к другим людям нередко указывает на нечто непризнанное в себе. Что то, что он больше всего презирает, часто связано с тем, что он себе запретил. И что сновидение, показывая ему отвратительный, стыдный или опасный образ, не всегда стремится унижить сновидца. Иногда оно пытается вернуть ему изгнанный кусок души.

Именно поэтому юнговская Тень не должна пониматься только в негативном ключе. Она пугает, но она же хранит жизненную силу. Пока человек остаётся ограниченным своей Персоной, пока он живёт лишь снаружи, Тень кажется ему врагом. Но по мере внутреннего развития обнаруживается: в ней спрятано не только то, чего он стыдится, но и то, без чего он не может стать более гармоничным, более живым, более открытым.

В этом месте юнговская мысль приобретает особую глубину. Сон не просто раскрывает вытесненное. Он ставит человека перед задачей признания. Не перед задачей эстетического толкования, а перед задачей внутренней работы. Но увидеть Тень во сне недостаточно. Нужно ещё признать, что увиденное касается тебя.

3.10. Персона, Комплекс, Архетип, Самость

После Тени нужно рассмотреть более широкую карту внутренней жизни. Жаль только, что чем популярнее становится термин, тем чаще он искажается. Поэтому постараемся вернуть юнговским понятиям внутреннюю точность.

Персона — это тот облик, в котором человек предъявляет себя миру. Это не просто лицемерие и не обязательно фальшь. Персона необходима. Без неё невозможна социальная жизнь. Мы не можем существовать без формы, без роли, без своего упорядоченного образа, в котором нас воспринимают другие. Учитель, врач, мать, руководитель, аналитик, священник, профессор, доброжелательный человек, строгий человек, надёжный человек — всё это не только реальные черты, но и формы Персоны.

Проблема начинается не там, где у человека обнаруживается Персона, а там, где он полностью с ней сливается. Тогда он начинает жить не из глубины, а из роли. Он уже не обладает образом себя, а, наоборот, сам им захвачен. И чем крепче Персона, тем сильнее, как правило, разрастается то, что в неё не вместились. За Персоной зловеще разрастается Тень.

Но между Персоной и архетипической глубиной у Юнга есть ещё важный уровень — комплексы. Комплекс чаще все-

го является узлом, через который сон становится особенно насыщенным. Комплекс — это аффективно заряжённое образование. Не просто “мысль” и не просто “воспоминание”, а узел переживаний, вокруг которого собрались чувство, образ, реакция, защита, страх, привязанность, стыд, ожидание. Комплекс живёт как энергетически насыщенная внутренняя зона. Человек может не осознавать его полностью, но комплекс будет неизменно реагировать повсюду там, где задет его узел.

Поэтому сновидения часто организуются вокруг комплексов. Сон словно бродит вокруг очага внутреннего напряжения, приближаясь к нему через образы, смещения, метафоры, сцены, фигуры. В этом смысле комплекс — одна из самых практических юнговских идей. Он позволяет увидеть, что психика не однородна, что она сгущается, сгруппировывается вокруг мучительных или притягательных центров, которые невозможно отменить рациональной декларацией.

Но Юнг идёт дальше. За комплексами он усматривает нечто более глубокое — архетипы. Здесь его мышление становится одновременно наиболее мощным и наиболее рискованным. Архетип — это не просто личный узел переживания, а более глубокая форма организации опыта. Архетипическое — это то, что не принадлежит только индивидуальной биографии, но проявляется в ней как древняя, повторяющаяся, универсальная форма человеческих переживаний и человеческой судьбы.

Здесь юнговская мысль становится широкой. За конкретным отцом может стоять универсальный архетип Отца. За страшной женщиной — не только личный страх, но и более глубокая материнская или разрушительная форма. За образом пути — не просто приближающаяся поездка, а движение жизненного становления. За падением, восхождением, тьмой, огнём, водой, домом, ребёнком, царём, зверем, стариком, возлюбленной — начинают проступать формы, которые не исчерпываются личной жизнью.

Но не каждый сильный образ оказывается архетипом. Не каждый комплекс сразу поднимается до уровня архетипического. В противном случае точность размывается, а человек исчезает за слишком широкой формой. Следует чётко различать: комплекс — это личный узел переживаний, а архетип — более глубокая форма, которая может в этом узле проявляться, но не быть полностью им поглощённым и ему тождественным.

И, наконец, у Юнга появляется Самость. Здесь его мысль достигает точки, где психология касается чуть ли не религиозной глубины. Самость — это не просто “настоящее Я” и не просто центр самооценности. Это не психологический комфорт и не гармония в житейском смысле. Самость — это центр и вместе с тем целостность всей психики, тот глубинный порядок, к которому человек может приближаться, но с которым он никогда полностью не совпадает на уровне сознательного Я.

Термин «Самость» позволяет Юнгу вести разговор о внутреннем пути. Пока человек отождествлён с Персоной, он живёт поверхностно. Пока им правят комплексы, он остаётся захваченным аффективными узлами. Когда же через символическую работу, через встречу с Тенью, через преодоление односторонности сознания человек начинает продвигаться к более глубокому центру, возникает тема Самости.

Но Самость не должна превращаться в красивое слово, прикрывающее всё непонятое. Её нельзя подменить самодовольной уверенностью в своём “глубоком пути”. Самость у Юнга — это не повод любоваться собой, а повод признать, что сознательное Я не является господином всей психики.

3.11. Индивидуация: путь к себе или путь к более трудной правде о себе

Отсюда вырастает, вероятно, самое специфическое юнговское понятие — Индивидуация. Хотя слишком часто его понимают красиво и легко. Как будто Индивидуация — это просто постепенное “раскрытие себя”, мягкий путь к аутентичности, духовное саморазвитие, последовательное приближение к своей уникальности. Но всё гораздо сложнее.

Индивидуация начинается не там, где человек полюбил себя, а там, где он перестал совпадать со своей Персоной. Там, где он больше не может жить только из социальной роли. Там, где он не может обойтись без встречи с Тенью. Там, где его прежняя форма жизни оказывается слишком узкой для той глубины, которая начинает в нём пробуждаться.

Это значит, что Индивидуация не обязательно приятна. Она не равна внутреннему комфорту. Она часто начинается с раскола. С тревоги. С потери прежней самоочевидности. С ощущения, что прежний образ себя не выдерживает встречи с тем, что поднимается из Бессознательного. В этом смысле Индивидуация — не путь к нарциссическому подтверждению себя, а путь к более трудной правде о себе.

Человек обнаруживает, что он

Не так добр, как считал.

Не так силен, как думал.

Не так разумен, как любил повторять.

Не так независим, как уверял окружающих.

Но одновременно он обнаруживает и другое:

он не так слаб, как внушала ему Тень.

Не так пуст, как говорила старая роль.

Не так исчерпан, как утверждал его страх.

Вот эта двойная поправка и составляет живой нерв Индивидуации. Человек теряет ложное единство, чтобы приблизиться к более глубокому внутреннему порядку.

Поэтому путь Индивидуации нельзя представить как восходящую линию без кризисов. Скорее, это последовательность столкновений с тем, что не вмещается в прежнее Я. Сначала человек встречает то, что противоречит его Персоне. Потом — то, что разрушает его односторонний нарцизм. Потом — то, что требует признать в себе иное содержание, иную направленность, иной внутренний центр. И только после этого может возникнуть новое собрание — не прежнее, не удобное, не самодовольное, а более глубокое.

Сновидение у Юнга — один из главных двигателей на этом пути. Именно сон приносит фигуры, которые сознательное Я не хотело видеть. Именно сон ставит человека перед внутренними противоречиями, которые он днём сглаживает. Именно сон снова и снова показывает, что в человеке есть не только дневная воля, но и более глубокая внутренняя жизнь, требующая признания.

Индивидуация у Юнга — великая идея, но не последняя истина. Она сильна как описание пути к внутренней целостности, но остаётся открытым вопрос: достаточно ли идеи целостности, чтобы описать глубинное продвижение человека? Не скрывается ли за юнговской Самостью нечто ещё более направленное, более конфликтное, более судьбоносное? Не теряется ли при слишком гармоничном понимании Индивидуации сама драма становления?

Юнг сделал гигантский шаг: он увидел, что человек развивается не только через конфликт с Прошлым, но и через движение к более глубокому внутреннему центру. Но достаточно ли назвать центр Самостью? И достаточно ли понимать развитие как путь к целостности?

Важно запомнить. Индивидуация у Юнга — это не роскошная психологическая надстройка над жизнью. Это способ понять, почему сон не отпускает человека, почему Бессознательное не устаёт поправлять его, почему внутренний путь никогда не заканчивается удачной интерпретацией, и почему психологическая правда редко бывает приятной. Че-

ловек становится собой не тогда, когда всё о себе узнал, а тогда, когда признал и выдержал встречу с тем, что в нём долго оставалось ему чуждым.

Здесь юнговская работа со сновидением достигает подлинной ценности. Сон уже нельзя считать ни шифром, ни симптомом, ни красивой символической игрой. Сон становится местом, где человек встречает более трудную, более глубокую и более правдивую версию самого себя.

3.12. В чём Юнг особенно силён как толкователь сна

После всех оговорок, после всех предостережений, после всех трудностей, связанных с его стилем и размахом, нужно сказать: в области сновидений Юнг дал нечто такое, без чего понимание сна немыслимо. Его сила не в том, что он придумал красивую теорию; а в том, что он сумел вернуть сновидению внутреннюю значительность, не уничтожив при этом его образную природу.

Прежде всего Юнг велик тем, что не допускает механического толкования. Он не позволяет обращаться со сном как с ребусом, который нужно разгадать, чтобы успокоиться. Сон - живой феномен. Он требует, чтобы с ним серьёзно считались. Требуется медленного вслушивания. Требуется способности выдержать образ, прежде чем подчинить его пониманию. Одно из редких достоинств в психологии: не спешить.

Юнг силён и тем, что сумел связать сновидение со всей жизнью человека, а не с отдельным эпизодом. Сон не рассматривается как случайная ночная вставка, а включается в драму судьбы сновидца. Юнг с полной серьёзностью говорит: нельзя понять сон, если ты не видишь, как живёт человек, где он застрял, в чём он односторонен, куда он движется, в чём он лжёт себе и где Бессознательное готовит ответ. В этом смысле юнговская работа со сновидением остаётся одной из

самых зрелых форм психологического мышления.

Особенно силён Юнг там, где показывает, что сон способен не только вскрывать слабость, но и показывать возможности развития. Человек слишком часто приходит к психологии как к науке о нарушениях. Он хочет знать, где он ранен, где сломан, где зажат, где травмирован. Юнг не отрицает этого измерения. Но он добавляет другое: сон говорит не только о том, что не так, но и о том, чем можно восполнить недостатки. Сон может указывать не только на разрушение, но и на направление. Не только на дефект, но и на возможность.

Без этого психология легко превращается в искусство бесконечного копания в ущербе. Юнг же возвращает человеку ощущение, что его внутренняя жизнь не сводится к сумме психотравм. В нём есть потенциал движения. Есть напряжение к более широкому порядку. Есть сопротивление односторонности. Есть попытка глубины вступить в разговор с поверхностью.

Кроме того, Юнг силён в обращении с символами. Он знает, что символ нельзя ни упрощать, ни игнорировать. Его нельзя целиком перевести на язык рациональных формул, потому что тогда он перестанет быть символом. Но его нельзя и обожествить, потому что тогда он перестанет работать психологически. Юнг сохраняет трудное равновесие. Он не уничтожает тайну образа, но и не превращает её в повод для мистического трепета. Он как будто говорит: символ глубже

понятия, но это не освобождает нас от труда понимания.

Наконец, Юнг велик тем, что впервые соединяет сновидение с задачей внутреннего пути. У Фрейда сон в значительной степени остаётся местом конфликта. У Юнга сон становится моментом внутреннего становления. Не всегда ясно. Не всегда доброжелательного. Не всегда ведущего напрямую. Но всё же становления. Благодаря этому сон перестаёт быть исключительно компроматом на сновидца. Он становится формой его глубинного продвижения.

Поэтому Юнг остаётся великим толкователем сна даже там, где мы с ним спорим. Его можно критиковать. Его необходимо ограничивать. Его нужно читать не спеша. Но обойти его невозможно. Он сделал сновидение слишком значительным, чтобы после него вернуться к примитивному пониманию ночных образов как впечатлений дня или к суеверной охоте за “знаками судьбы”.

Юнг не дал окончательной теории сна. Но он дал нечто не менее ценное: высокий уровень отношения к нему.

3.13. Где Юнг становится опасен

Но потому, что Юнг широк, глубок и соблазнителен, он становится опасным в руках тех, кто хочет пользоваться им слишком поспешно. Его опасность не в содержании, а в том, что его идеи легко превращаются в оправдание интеллектуальной лени. Человек начинает говорить юнговскими словами раньше, чем научился понимать и видеть.

Первая опасность — это инфляция символа. Стоит только толкователю почувствовать вкус к “глубине”, как всё вокруг начинает становиться архетипическим. Любая женщина — уже Анима. Любой строгий мужчина — уже архетип Отца. Любая тьма — уже Великая Мать. Любое продвижение — уже Индивидуация. Любое падение — уже кризис Самости. С одной стороны, в этом есть нечто захватывающее. Кажется, будто человек внезапно увидел за поверхностью мира огромный внутренний космос. Но чаще всего это не космос, а поспешность. Не глубина, а символическая жадность.

Вторая опасность — это утрата реальности. Субъект-ступень, если применять её безмерно, становится очень удобной ловушкой. Толкователь перестаёт воспринимать живую жизнь человека. Ему уже не нужен реальный отец, реальная мать, реальная любовь, реальная вина, реальная сцена унижения, реальная эротическая проблема, реальное разочаро-

вание. Всё слишком быстро “обращается внутрь”. Всё оказывается “частями самого человека”. Иногда это нужно. Но иногда за такой универсализацией скрывается уход от конкретного. А психология, которая теряет конкретное страдание человека, легко становится изящной формой равнодушия.

Третья опасность — это соблазн подменить внутреннюю работу красивой речью. Юнговский язык настолько богат, что им очень легко прикрывать непонимание. Толкователь уже не знает, что происходит с человеком, но у него есть слова: Персона, Тень, архетип, Самость, компенсаторная функция, символический ряд, путь становления. Всё это звучит внушительно. Но под этими словами может скрываться пустота. Это, пожалуй, одна из самых тяжёлых форм профессиональной некомпетентности: человек начинает не понимать, а производить впечатление понимания.

Четвёртая опасность связана с идеалом внутреннего пути. Там, где всё слишком быстро подчиняется теме Самости и Индивидуации, человек начинает смотреть на свою жизнь сверху, как будто его конкретные конфликты уже преодолены и растворены в большой духовной драме. Но Бессознательное не терпит преждевременного величия. Оно часто возвращает человека к тому, что он хотел обойти. К ревности. К зависимости. К унижению. К сексуальной неразберихе. К жажде власти. К обиде. К нарцизму. Если юнговский подход используется как способ не сталкиваться со своими

личными проблемами, а красиво возвышаться над ними, он перестаёт быть психологией.

И, наконец, есть ещё одна опасность, едва ли не главная. Юнговское мышление слишком легко начинает казаться окончательной глубиной. Оно обладает мощным эстетическим и интеллектуальным обаянием. Человеку хочется остановиться на нём и сказать: дальше идти некуда. Всякая большая система опасна в тот момент, когда она начинает ощущаться последним словом. Тогда она уже не развивает мышление, а консервирует его.

Поэтому Юнг требует не поклонения, а выдержки. Его нужно читать так, чтобы не терять человека за символом, конфликт за архетипом, страдание за прекрасной терминологией, а реальную жизнь — за слишком ранним разговором о целостности. Только в этом случае сила Юнга не превратится в соблазн.

3.14. Пределы юнгианства и необходимость следующего шага

Юнг сделал для понимания сновидений почти невозможное: он вырвал сон из слишком узкой причинной схемы и показал, что ночной образ не только отсылает к Прошлому, но и спорит с сознательной установкой человека в Настоящем. Он научил видеть во сне не случайные впечатления дня и не исключительно замаскированные желания, а внутреннюю драму сновидца. Благодаря Юнгу сновидение стало восприниматься как ответ Бессознательного на односторонность сознательного Я, как поправка, компенсация, иногда как предостережение, а иногда как путь к более глубокой внутренней гармонии. В этом его историческая сила. Юнг показал, что человек не равен дневной версии самого себя.

Но именно здесь обнаруживается и предел юнгианства. Юнг показывает внутреннюю драму, но ещё не до конца ставит вопрос о цене Трансформации. Что происходит с человеком, когда развитие требует не только признания Тени, но и расставания с прежней формой жизни? Почему движение к новой личности так часто переживается как разрушение?

Этот вопрос выводит нас к Сабине Шпильерйн. Она увидела то, что легко теряется за красивым языком символов: подлинное становление требует Деструкции. Человек боится не только Бессознательного и не только Тени. Он боит-

ся Возрождения, потому что Возрождение требует отказа от старого образа себя.

С этого вопроса начинается глава о Сабине Шпильрейн.

После Фрейда сон стал дорогой к Бессознательному.

После Юнга — драмой сновидца.

После Шпильрейн он начинает открываться как сцена Деструкции и Возрождения.

И только затем Сонди поставит следующий вопрос: не задействована ли в сновидении не только личная, но и родовая судьба? Поэтому между Юнгом и Сонди в этой книге закономерно появляется Шпильрейн — исследовательница цены, которую человек платит за становление.

Глава 4. Сабина

Шпильрейн: Деструкция как причина Возрождения

4.1. Человек боится не смерти

Большинство людей убеждены, что сильнее всего на свете боятся смерти. Однако если внимательно присмотреться к человеческой жизни, возникает странный вопрос: если люди действительно так боятся смерти, почему они столь часто соглашаются на медленное угасание?

Одни десятилетиями живут в отношениях, которые давно перестали приносить радость. Другие каждое утро идут на работу, которую ненавидят. Третьи отказываются от своих талантов ради спокойствия и безопасности. Четвёртые настолько привыкают к своим страданиям, что уже не представляют жизни без них. Создаётся впечатление, что человек способен мириться почти с любыми проблемами и ограничениями, если они знакомы и привычны.

Но стоит появиться возможности подлинного изменения, как возникает сопротивление. Человек начинает сомневаться, откладывать решения, искать оправдания и возвращаться к привычным способам существования. Словно какая-то

невидимая сила внутри него предпочитает знакомое несчастье неизвестному Будущему.

Почему так происходит? Почему человек нередко цепляется за то, что делает его несчастным? Почему боится того, что могло бы сделать его свободнее? Эти вопросы занимали многих мыслителей, но одной из первых по-настоящему серьёзно их поставила Сабина Шпильрейн.

Сегодня её имя известно значительно меньше, чем имена Фрейда или Юнга. Между тем именно она сформулировала идею, которая способна изменить взгляд не только на психику человека, но и на смысл многих сновидений. Шпильрейн предположила, что человек боится не столько смерти, сколько Возрождения. Потому что Возрождение требует расставания с прежним собой.

Чтобы стать другим человеком, необходимо отказаться от части старой личности. Чтобы обрести новую судьбу, придется оставить прежнюю. Чтобы войти в Будущее, необходимо отпустить Прошлое. Эта мысль станет центральной темой всей главы и одним из важнейших ключей к пониманию тяжёлых сновидений.

4.2. Россиянка-психоаналитик, опередившая своё время

История психологии устроена несправедливо. Одни исследователи становятся знаменитыми ещё при жизни: их книги переводят на десятки языков, их идеи входят в учебники, а их имена знают даже люди, далёкие от психологии. Другие оказываются в тени — иногда потому, что их идеи слишком сложны, иногда потому, что они появляются слишком рано, иногда потому, что их заслуги заслоняют более известные современники.

Сабина Шпильрейн принадлежит именно к таким фигурам. Её часто вспоминают как пациентку Карла Юнга, реже — как одну из первых женщин-психоаналитиков, и совсем редко — как талантливого мыслителя, оказавшего влияние на развитие глубинной психологии. Между тем её интеллектуальная судьба заслуживает особого внимания.

Когда Шпильрейн начинает свои исследования, психоанализ ещё только рождается. Фрейд создаёт первые основы своей теории, Юнг находится в начале собственного пути, будущие направления глубинной психологии ещё не существуют, а многие идеи, которые позднее будут казаться очевидными, ещё даже не сформулированы.

Именно в этот период молодая исследовательница делает шаг, который окажется по-настоящему новаторским. Она

обращает внимание на явление, которое большинство современников предпочитало не замечать: развитие почти никогда не происходит без внутреннего преобразования. Новая форма жизни возникает не путём простого накопления опыта, а через преодоление ограничений прежней формы существования.

Это наблюдение кажется простым, но чем внимательнее мы в него всматриваемся, тем глубже становится его смысл. Семя исчезает, чтобы выросло дерево. Личинка исчезает, чтобы появилась бабочка. Ребёнок прощается с детством, чтобы стать взрослым. Каждый новый этап требует завершения предыдущего. Шпильрейн увидела в этом не биологическую случайность, а фундаментальный закон развития.

4.3. Между Фрейдом и Юнгом

Судьба словно поместила Шпильрейн между двумя гигантами психологии. С одной стороны находился Зигмунд Фрейд — создатель психоанализа. С другой — Карл Густав Юнг, которому ещё только предстояло стать основателем аналитической психологии. Шпильрейн оказалась в уникальном положении: она была знакома с обоими, участвовала в становлении психоаналитического движения и следила за развитием новых идей буквально изнутри.

Однако самое интересное заключается не в биографическом сюжете, а в её интеллектуальном положении. Молодая исследовательница была в центре рождения психоанализа. Фрейд исследовал Бессознательное, Юнг постепенно открывал мир символов, а Шпильрейн всё настойчивее задавалась вопросом, почему развитие очень часто сопровождается кризисом и внутренними страданиями.

Фрейд исследовал скрытые желания человека. Юнг постепенно приходил к пониманию символов и архетипических образов. Шпильрейн же сосредоточилась на процессе изменения личности. Её интересовал вопрос, который позднее станет центральным для многих направлений психотерапии: что происходит с человеком в момент внутреннего Перехода? Почему новое так часто приходит через разрушение старого? Почему психика сопротивляется собственному росту?

Эти вопросы привели её к работе, которая и сегодня остаётся одной из самых необычных в истории психоанализа. В 1912 году появляется статья с названием, звучащим почти вызывающе: «Деструкция как причина становления». Само сочетание этих слов кажется парадоксальным. Разве разрушение может быть причиной развития? Разве становление не должно происходить через накопление, рост и совершенствование? Ответ Шпильрейн был неожиданным: без Деструкции подлинное становление невозможно.

4.4. Деструкция как причина становления

Название работы Шпильрейн способно вызвать недоумение даже у современного читателя. Мы привыкли считать разрушение чем-то отрицательным. С разрушением связываются войны, катастрофы, болезни и утраты. Разрушение кажется противоположностью жизни. Однако Шпильрейн предлагает взглянуть глубже.

Она обращает внимание на то, что сама природа развивается через последовательную смену форм. Ничто живое не остаётся неизменным. Всякое развитие предполагает отказ от прежнего состояния. Ребёнок не может стать взрослым, сохранив детство в неизменном виде. Учёный не может сделать открытие, не отказавшись от старых представлений. Человек не может приблизиться к своему призванию, не расставшись с прежними иллюзиями.

Именно поэтому развитие почти всегда сопровождается тревогой. Сознание воспринимает изменения как потерю. Будущее ещё не обрело формы, а Прошлое уже начинает разрушаться. Возникает состояние неопределённости, которое многие переживают как кризис.

Но что, если кризис — это не болезнь развития? Что если кризис является необходимой частью развития? Этот вопрос станет главным вкладом Шпильрейн в историю глубин-

ной психологии. Именно он приведёт нас к пониманию того, почему в столь многие важные сновидения входит тема разрушения.

4.5. Любовь как Трансформация

Современному читателю может показаться странным, что Шпильрейн связывала свои размышления о Деструкции прежде всего с любовью. Сегодня любовь чаще рассматривают как источник счастья, близости и психологического благополучия. Шпильрейн увидела другую сторону этого переживания.

Она заметила, что настоящая любовь почти никогда не ограничивается удовольствием. Любовь изменяет человека. Иногда настолько сильно, что после неё он уже не может вернуться к прежнему состоянию. Любящий начинает смотреть на мир иначе: меняются цели, привычки, круг интересов, представление о самом себе. Человек словно выходит за границы прежней личности.

Именно поэтому любовь одновременно привлекает и пугает. Мы стремимся к близости, но опасаемся потерять независимость. Мечтаем о встрече, но боимся последствий этой встречи. Хотим изменений, но тревожимся перед ними.

Любовь разрушает границы прежнего Я. Именно поэтому она одновременно становится источником счастья и тревоги. Любить означает позволить появиться новому человеку внутри себя. Для начала XX века подобная мысль звучала необычайно смело: психология ещё только училась говорить о Бессознательном, а Шпильрейн уже ставила вопрос о внут-

реннем преобразовании личности.

Всякая глубокая встреча требует внутренней Трансформации. А Трансформация предполагает отказ от части прежнего себя. Поэтому любовь оказывается не только радостью, но и испытанием готовности измениться. Именно здесь впервые возникает тема, которая позднее станет одной из центральных в СновЕдении: сновидение очень часто показывает человеку не только то, кем он является сегодня, но и то, кем способен стать. Однако увидеть это Будущее означает признать ограниченность Прошлого.

4.6. Великий закон мифов

Размышляя о Деструкции и Возрождении, Шпильрейн фактически подошла к одному из древнейших сюжетов человеческой культуры. Почти все великие мифы человечества рассказывают историю Перехода: герой покидает привычный мир, проходит через испытания, теряет прежнюю жизнь, спускается во тьму, переживает символическую смерть и только затем возвращается изменившимся.

Этот сюжет встречается слишком часто, чтобы считать его случайностью. Орфей спускается в подземный мир. Осирис оказывается расчленённым. Дионис проходит через гибель и возвращение. Феникс сгорает и возрождается из пепла. Даже в библейской традиции путь к Возрождению проходит через испытание, жертву и Переход.

Разумеется, Шпильрейн не строила свою теорию как мифологическую систему. Однако она обнаружила тот же самый закон внутри психики: развитие требует завершения прежнего состояния, а новая форма жизни возникает не рядом со старой, а на её месте.

В этом отношении её идеи удивительно созвучны опыту сновидений. Сон редко показывает развитие как плавное улучшение. Психика предпочитает драматический язык образов. Поэтому человеку снятся разрушения, пожары, исчезновения и смерти — не потому, что психика стремится на-

пугать его, а потому, что она говорит языком Перехода.

4.7. Почему развитие вызывает страх

Если развитие настолько естественно, почему люди сопротивляются ему? Этот вопрос остаётся одним из самых важных для всей глубинной психологии. На первый взгляд ответ кажется очевидным: человек боится неизвестности. Но Шпильрейн увидела более глубокую причину. Человек боится не только неизвестности; он боится утраты знакомого, даже если оно причиняет страдания.

Представим человека, который много лет живёт в состоянии внутреннего конфликта. Он жалуется на обстоятельства, мечтает о переменах, говорит о необходимости новой жизни. Но когда появляется реальная возможность измениться, он неожиданно начинает сопротивляться. Изменение требует отказаться от привычного образа себя, а это переживается почти как потеря части собственной личности.

Именно поэтому многие кризисы оказываются столь болезненными. Сознание воспринимает их как разрушение, хотя с точки зрения развития они могут быть подготовкой новой жизненной стадии. Шпильрейн одной из первых обратила внимание на этот парадокс: очень часто человек страдает не потому, что развивается, а потому, что сопротивляется развитию.

Между разрушением и Возрождением

Здесь мы подходим к самому важному открытию Шпильрейн. Большинство людей воспринимают Деструкцию как конец. Для неё же Деструкция являлась не началом и не завершением, а серединой процесса. Сначала существует старая форма жизни, затем наступает её разрушение, и лишь после этого возникает новая форма.

Проблема состоит в том, что человек обычно замечает только второй этап. Он видит разрушение, но ещё не видит Возрождения. Поэтому кризис кажется катастрофой. Лишь спустя годы становится понятно, что кризис открыл дорогу новому этапу жизни.

Сколько людей могли бы сказать: если бы тогда всё не разрушилось, я никогда не оказался бы там, где нахожусь сегодня. Подобные слова нередко звучат после серьёзных жизненных Переходов, но в момент самого кризиса увидеть это почти невозможно.

Именно поэтому идеи Шпильрейн особенно ценны для понимания сновидений. Сон часто показывает человеку середину процесса: старая форма уже разрушается, а новая ещё не раскрыта полностью. Отсюда возникает тревога, сопротивление и страх. Однако именно здесь начинается путь к пониманию тех сновидений, которые многие люди считают самыми тяжёлыми и пугающими.

4.8. Почему Самость показывает смерть, пожар и катастрофу

Когда человек впервые начинает серьёзно заниматься сновидениями, его обычно удивляет одна особенность: почему самые важные сны редко бывают приятными? Почему психика, стремящаяся к развитию, столь часто использует образы пожаров, наводнений, войн, крушений, разрушенных домов, смерти близких или конца света? Неужели Самость не может говорить более мягким языком?

С точки зрения СновЕдения этот вопрос закономерен, но именно здесь идеи Шпильрейн помогают увидеть скрытый смысл многих тяжёлых сновидений. Самость говорит не языком комфорта, а языком истины. А истина далеко не всегда оказывается приятной, особенно тогда, когда человек подошёл к границе очередного внутреннего Перехода.

В такие периоды психика должна выполнить сложную задачу: показать, что прежний способ жизни исчерпал себя. Пока человек верит, что старая дорога способна привести его к Будущему, движение вперёд блокируется. Поэтому Самость сначала показывает завершение прежнего пути, и лишь затем становится возможным начало нового.

Разрушенный дом

Одним из наиболее распространённых образов подобных сновидений является дом. В символике сна он часто представляет внутренний мир человека, привычный способ существования, личность и жизненный уклад. Поэтому сон о разрушении дома далеко не всегда сообщает о внешних событиях. Очень часто он говорит о внутренних изменениях.

Человек может долгие годы жить по одним и тем же правилам. Эти правила когда-то помогли ему выжить, получить образование, создать семью, построить карьеру. Но постепенно то, что раньше поддерживало жизнь, начинает её ограничивать. Тогда Самость показывает разрушение: не потому, что стремится уничтожить человека, а потому, что старая конструкция больше не справляется с задачами Будущего.

Во сне рушатся стены, падает крыша, дом становится непригодным для жизни. Так психика сообщает о необходимости внутренних изменений. В подобных случаях сон говорит не о гибели, а о необходимости реконструкции.

Смерть во сне

Ни один символ не вызывает столько тревоги, сколько смерть. Многие люди просыпаются после подобных сновидений.

дений с тяжёлым чувством, будто сон предупреждает о реальной опасности. Однако опыт глубинной психологии показывает, что в большинстве случаев смерть во сне носит символический характер, особенно если речь идёт о значимой фигуре.

Во сне может умереть отец, мать, учитель, друг или руководитель. Но для толкователя важен другой вопрос: что именно представляет эта фигура в психической жизни сновидца? Отец может олицетворять авторитет, мать — безопасность, учитель — систему взглядов, друг — определённую часть личности. Если такая фигура исчезает во сне, психика часто сообщает о завершении соответствующего жизненного этапа.

Именно здесь идеи Шпильрейн оказываются особенно полезными. Она помогает увидеть, что смерть во сне может означать не конец, а Переход; не уничтожение, а освобождение пространства для новой формы жизни.

Пожар как образ Трансформации

Пожар занимает особое место среди символов Деструкции. Огонь всегда двойственен: он уничтожает и одновременно очищает, разрушает старое и создаёт условия для нового. Не случайно огонь присутствует во множестве мифов и религиозных традиций как образ испытания, очищения и обновления.

Поэтому пожар во сне далеко не всегда следует понимать буквально. Очень часто он появляется тогда, когда психика переживает период глубокой перестройки. Разрушаются старые убеждения, теряют силу прежние идеалы, перестают работать привычные защиты. Человек испытывает тревогу, но именно в этот момент может начинаться формирование новой личности. С точки зрения сознания всё выглядит как потеря; с точки зрения Самости начинается Возрождение.

Конец света внутри человека

Особенно сильное впечатление производят сновидения конца света. В них рушатся города, гибнут страны, исчезают привычные ориентиры, будто уничтожается сам мир. Но если посмотреть внимательнее, чаще всего речь идёт не о внешнем, а о внутреннем мире человека.

Иногда психика должна показать масштаб происходящего. Обычного символа оказывается недостаточно, и тогда Самость использует самые мощные образы из доступных ей. Конец света становится образом конца целой эпохи жизни. Человек может стоять на пороге серьёзного изменения судьбы, ещё не осознавая этого. Сон показывает происходящее в максимальном масштабе не для того, чтобы напугать, а для того, чтобы сделать внутренний процесс видимым.

Вопрос, который меняет толкование сна

После Шпильрейн становится возможным иной подход к тяжёлым сновидениям. Вместо вопроса «что должно погибнуть?» появляется другой вопрос: «что готовится родиться?» Эта небольшая перестановка меняет всё. Она переводит внимание с конца на Переход, с утраты на Возрождение, с разрушения на Будущее.

Поэтому вклад Шпильрейн очень важен для понимания сновидений. Она помогла увидеть, что психика говорит о развитии не только языком рождения. Очень часто она говорит о нём языком завершения. Чем значительнее предстоящее изменение, тем более драматическими могут становиться образы сна.

4.9. Почему нарцизм сопротивляется Возрождению

Если Возрождение так необходимо человеку, почему он столь упорно ему сопротивляется? Почему цепляется за Прошлое даже тогда, когда Самость уже показывает направление Будущего? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к одной из важнейших защит человеческой психики — нарцизму.

Шпильерейн увидела сам феномен сопротивления, но в её время ещё не существовало языка, который позволил бы подробно описать его механизмы. В СновЕдении одним из таких механизмов становится нарцизм. Здесь важно избежать распространённого недоразумения: нарцизм — это не обязательно самовлюблённость, высокомерие или клинический диагноз. Прежде всего он представляет собой защиту существующего образа себя.

Нарцизм охраняет привычную личность, защищает сложившийся порядок и сопротивляется изменениям. В определённой степени он выполняет необходимую функцию: помогает сохранять устойчивость, удерживать целостность личности и не распадаться под воздействием внешних обстоятельств. Однако то, что защищает человека от разрушения, начинает защищать его и от развития. Тогда нарцизм превращается в препятствие.

Страх потерять себя

Представим человека, который много лет считал себя исключительно рациональным. Он привык принимать решения только на основании логики, контролировать чувства и не доверять внутреннему миру. И вдруг серия сновидений начинает показывать ему совершенно другую сторону личности: во сне появляются эмоции, символы, неожиданные желания и новые возможности.

На уровне Самости начинается подготовка к расширению личности, но нарцизм воспринимает происходящее иначе. Для него это не расширение, а угроза. Признать существование новой стороны личности означает отказаться от старого представления о себе, а отказаться от привычного образа себя бывает чрезвычайно трудно.

Поэтому человек начинает сопротивляться: обесценивает сновидения, смеётся над символами, объявляет внутренние переживания фантазиями, отказывается смотреть в сторону изменений. Так часто выглядит сопротивление Возрождению.

Почему человек предпочитает знакомое несчастье

Одно из самых парадоксальных наблюдений глубинной

психологии заключается в том, что очень многие люди предпочитают знакомое несчастье неизвестному счастью. На первый взгляд это кажется нелепым, но, если посмотреть внимательнее, всё становится понятным.

Знакомое несчастье предсказуемо. Оно уже встроено в картину мира. Человек знает, как с ним жить. Неизвестное счастье требует перестройки личности, новой ответственности, нового взгляда на себя и новой Трансформации. А всякая Трансформация содержит элемент неопределённости.

Поэтому нарцизм говорит: «лучше остаться тем, кто ты есть». Самость же говорит иначе: «ты способен стать большим, чем являешься сейчас». В этом противостоянии и рождается значительная часть внутренней драмы человека.

Самость и нарцизм

В практике СновЕдения постепенно становится заметной закономерность: многие важные сновидения возникают тогда, когда между Самостью и нарцизмом появляется напряжение. Самость показывает Будущее, нарцизм защищает Прошлое. Самость показывает новые возможности, нарцизм требует сохранить старую идентичность. Самость призывает к Совершенствованию, нарцизм стремится сохранить привычный комфорт.

Поэтому работа со сновидениями требует не только знаний, но и мужества. Иногда смысл сна становится понятен

довольно быстро, но принять этот смысл значительно труднее. Понимание часто требует изменения, а изменение предполагает расставание с частью прежнего себя. Именно это обстоятельство Шпильрейн увидела одной из первых: развитие связано не только с приобретением нового, но и с отказом от старого.

Почему тяжёлые сновидения оказываются полезными

Теперь становится понятным ещё одно наблюдение. Самые значимые сновидения далеко не всегда оказываются приятными. Очень часто они содержат разрушение, потерю, поражение, стыд, болезнь, смерть или расставание. С точки зрения нарцизма такие образы выглядят враждебными, но Самость преследует другую цель.

Она показывает пределы старой формы жизни, обнаруживает тупики, делает видимыми ограничения и подготавливает Переход. Поэтому тяжёлое сновидение нередко оказывается не ударом по человеку, а приглашением к Трансформации. Самость разрушает не человека; она разрушает препятствия.

Именно здесь идеи Шпильрейн приобретают особую глубину. Она показывает, что развитие связано не только с появлением нового, но и с прощанием со старым. Чем значительнее Будущее, тем серьёзнее может оказаться внутренний

Переход.

4.10. Возрождение начинается раньше, чем человек замечает его

Одно из самых тонких наблюдений Шпильрейн заключается в том, что Возрождение почти никогда не переживается человеком как Возрождение. Напротив, чаще всего оно переживается как потеря. Человек замечает разрушение привычного порядка, исчезновение прежних ориентиров, ослабление старых привязанностей, кризис убеждений и внутреннюю неопределённость, но почти никогда не замечает другого: одновременно с этим начинается рождение новой формы жизни.

В этом заключается один из важнейших парадоксов человеческого развития. Будущее приходит раньше, чем человек начинает его понимать. Порой проходят месяцы, иногда годы, и только потом становится ясно, что начало новой судьбы произошло значительно раньше, чем это казалось.

Когда старая форма личности начинает разрушаться, сознание воспринимает происходящее как ухудшение. Человеку кажется, что он теряет. На самом деле он одновременно и теряет, и приобретает, но приобретение ещё не обрело ясной формы. Оно существует лишь как возможность, направление, слабый намёк на Будущее. Именно поэтому человек оказывается в промежуточном состоянии: старое уже не работает, новое ещё не оформилось. Такое состояние многие

называют кризисом, и нередко это родовые схватки новой личности.

Почему Самость говорит языком разрушения

Теперь становится понятным ещё один вопрос: почему сновидения очень часто показывают конец, а не начало? Почему человеку снится разрушение старого дома, а не строительство нового? Почему он видит смерть, а не рождение? Почему мы видим пожар, а не цветущий сад?

Ответ Шпильрейн помогает понять внутреннюю логику этих образов. Пока старая форма остаётся целой, новая не может возникнуть. Поэтому с точки зрения СновЕдения Самость прежде всего показывает пределы прежнего существования. Она словно говорит: «посмотри внимательно, этот путь обречён».

Сознанию подобное послание обычно не нравится. Человек хочет услышать о Будущем, но Самость сначала показывает необходимость расставания с Прошлым. Именно поэтому многие важные сновидения оказываются тревожными: они говорят не столько о том, что должно появиться, сколько о том, что должно завершиться.

Ошибка сознания

Через много лет после серьёзных жизненных кризисов люди нередко произносят одну и ту же фразу: «тогда мне казалось, что всё рушится, теперь я понимаю, что вот тогда и началась моя настоящая жизнь». В этих словах содержится глубокая психологическая истина.

Находясь внутри кризиса, человек видит главным образом разрушение. Возрождение становится заметным значительно позже, когда начинает складываться новая судьба, появляется новый взгляд на себя и возникает новый смысл. Шпильрейн поняла это раньше многих психологов: разрушение видно сразу, Возрождение становится видимым позднее. Поэтому человек почти всегда недооценивает значение своих кризисов.

Символы Возрождения

Однако было бы ошибкой считать, что сновидения показывают только Деструкцию. Очень часто рядом с образами разрушения присутствуют символы новой жизни. Они могут занимать совсем немного места во сне, и человек иногда почти не обращает на них внимания, но именно они оказываются ключом к пониманию происходящего.

Это может быть ребёнок, незнакомый дом, новая доро-

га, неизвестный город, восход солнца, источник воды, весна после зимы, свет в конце тоннеля или мост через реку. Подобные образы сообщают, что процесс не заканчивается. Он продолжается. Сновидение словно говорит: старая форма завершается, но одновременно начинается новая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.